

ТАХИРА МАФИ

ОТ АВТОРА «РАЗРУШЬ МЕНЯ»,
БЕСТСЕЛЛЕРА №1 ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

ПЛЕТЕНОЕ КОРОЛЕВСТВО

«В ЭТОЙ ИЗЫСКАННО СЛОЖЕННОЙ ИСТОРИИ МАФИ
ПЛЕТЕТ ЗАКЛИНАНИЕ СУДЬБЫ И ОПАСНОСТИ, ЗАПРЕТНОЙ
ЛЮБВИ И ДВОРЦОВЫХ ИНТРИГ, МАГИИ И РЕВОЛЮЦИИ».

КАССАНДРА КЛЭР

Плетеное королевство

Тахира Мафи

Плетеное королевство

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Мафи Т.

Плетеное королевство / Т. Мафи — «Издательство АСТ»,
2022 — (Плетеное королевство)

ISBN 978-5-17-147825-4

Для всего мира Ализэ – безликая служанка, но никак не пропавшая наследница древнего королевства, которую вынудили спрятаться вдали от глаз толпы. Наследный принц Камран слышит о пророчествах, предрекающих смерть его короля. Но он и подумать не мог, что девушка со странными глазами, девушка, которую он не может выкинуть из своей головы, вскоре станет угрозой не только для его королевства, но и для всего мира.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-147825-4

© Мафи Т., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

1	7
2	11
Начало	15
3	17
4	22
5	26
6	32
7	36
8	44
9	48
10	52
11	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Тахира Мафи

Плетеное королевство

*По сторонам смотрю в надежде
Заметить проблеск смысла, правды, чести:
Бывает так, что темному душой
Сопутствуют хвала, удача и покой;
Другой хорош во всем, но умирает
Один, изломанный судьбой и презираем.*

*И все же мир подобен старому поверью —
В конце любой людской поступок станет тенью.*

Абулькасим Фирдоуси, «Шахнаме»

Tahereh Mafi
THIS WOVEN KINGDOM

Печатается с разрешения
Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Русификация обложки *Екатерины Климовой*

Copyright © Tahereh Mafi, 2022
© Войтикова Лилия, перевод на русский язык, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

1

На кухне, в отблесках каминного пламени и света звезд, как обычно свернувшись калачиком у камина, вышивала Ализе. Пятно сажи на щеке, еще одно под глазом, рваные полосы копоти на юбках – на все это девушка не обращала внимания.

Она замерзла, а лучше сказать, продрогла до костей.

Не раз Ализе мечтала, чтобы ее тело было соткано из петель, тогда она распустит бы их на груди, заполнила пустоту углем, подлила керосина. Чиркнула бы спичкой.

Но увы.

Бережно держа в руках вышивку, девушка подобрала юбки и придвинулась к камину. Ей предстояло закончить работу над затейливым роскошным платьем для незаконной дочери лондонского посла. В этом месяце заказов больше не предвиделось, но Ализе тешила себя надеждой, что расшитый ее руками наряд привлечет внимание на балу или званом обеде, где у модниц и возникает зависть и желание заполучить такой же туалет. Пока королевство не ведет войн, званые балы при дворе – частое явление, и Ализе найдет способ вытрясти монеты из дорогих кошельков королевских придворных, неважно, законнорожденные они или нет.

Вздрогнув от холода, девушка чуть не упала в огонь и едва не пропустила стежок. Как-то ребенком Ализе заledenела настолько, что заползла прямиком в топку. Она инстинктивно искала тепло и еще не понимала, что в пламени можно сгореть. Не понимала Ализе и того, насколько уникален ее недуг – зарождающаяся внутри стужа – болезнь, редкая даже для ее народа, а уж им странностей было не занимать.

Просто чудо, что малышка тогда не погибла в огне: одежда на ней загорелась, а дом заволокло едким дымом, от которого щипало глаза. Ализе поняла, что ее плану не суждено сбыться, по душераздирающему крику матери. Расстроенная, малышка заплакала ледяными слезами: она так и не согрелась, а ее уже вытаскивали из огня руки родительницы – те самые, шрамы от ожогов на которых Ализе будет изучать все последующие годы.

– Посмотри, что у нее с глазами! – запричитала мать, обращаясь к вбежавшему на крики мужу. – За такое ее убьют...

Девушка потеряла глаза и кашлянула, вспоминая эту много раз пересказанную родительницей историю, которая так въелась в память, что голос матери чудился Ализе словно наяву.

Она проглотила вставший в горле комок сажи. Пальцы совсем заledenели. Измученная, девушка выдохнула свою печаль в огонь – прочь эту копоть, мешающую жить. И тут же закашлялась во второй раз, да так сильно, что проколола мизинец. Неожиданно спокойно приняв резкую боль, Ализе аккуратно вытащила иголку и осмотрела ранку.

Прокол оказался довольно глубоким.

Уставившись в камин невидящим взглядом – уже в шестнадцатый раз за эту ночь, – Ализэ медленно разжала пальцы, отпуская шелковое платье – тончайшая ткань мгновенно впитывала кровь. Девушка перекусила нитку и швырнула вышитый драгоценными камнями наряд на стул.

Ничего страшного – Ализэ знала, что ее кровь не оставит следа. Однако отдохнуть не мешало, и мастерица оценивающе оглядела лежащую на стуле работу. Тяжелый лиф платья опал на юбку, напоминая плюхнувшегося на стул ребенка. Шелковая ткань обвила деревянные ножки, бисерная вышивка мерцала, отражая свет. В плохо закрытое окно ворвался сквозняк, погасив пламя единственной свечи, и самообладание Ализэ потухло вместе с ней. Платье, шурша, соскользнуло вниз, тяжелый рукав упал со стуком на закопченный пол.

Ализэ вздохнула.

Как и другие ее работы, этот наряд не отличался особым изыском: банальный, устаревший рисунок, сносный, и не более того, фасон. Ализэ же мечтала воплощать в жизнь свои собственные смелые задумки, творить по воле воображения, однако страх выдать себя всегда заглушал эти порывы.

Огненное Соглашение джинны и люди заключили не так давно – еще при жизни бабки Ализэ, а до этого тысячелетиями народы разделяла непримиримая вражда. Несмотря на внешнее сходство с людьми, тела джиннов были созданы из огненной стихии, и это наделяло их особыми преимуществами. Людей же долгое время называли глиной, ибо считалось, что они произошли из грязи и воды. Джинны пошли на заключение Соглашения, несмотря на то, что противоречия между двумя расами так и остались неразрешенными; от нескольких веков нескончаемого кровопролития устали обе стороны, никто больше не хотел смертей.

В честь шаткой эпохи перемирия мостовые города были покрыты позолотой, а все атрибуты с королевским гербом – с почестями преобразованы. Теперь каждый флаг и каждая монета королевства гласили:

МЕРАС

Да воцарится Равенство навеки.

Равенство, как оказалось, означало, что джиннам придется низринуться до слабости людей, отвергнув свои уникальные способности: скорость, силу и умение становиться невидимыми. Король объявил все это «противоестественными деяниями», которые карались смертью. Этот кусок глины оказался просто неуверенным в себе созданием, которому всюду мерещились изменники. Ализэ все еще слышала крики с улиц и шум доносящихся беспорядков...

Но сейчас она не спускала взора с этого посредственного платья.

Она всегда старалась делать не слишком изысканные вещи; уникальные работы проходили более строгий контроль и частенько объявлялись плодом сверхъестественных способностей.

Лишь однажды Ализэ, почти отчаявшись заработать себе на пропитание, решила впечатлить заказчика не красотой изделия, а своим мастерством. Сшитое ею платье оказалось не только на порядок качественнее изделий местных модисток, но и было готово всего за четверть установленного срока, и плату она брала вдвое дешевле.

Эта оплошность едва не отправила ее на виселицу.

В магистрат на Ализэ донес не заказчик, а портниха, упустившая работу. Лишь чудом девушке удалось скрыться в ночи от преследователей, и она бежала из родной деревушки в город, надеясь затеряться среди толпы.

Если бы Ализэ могла избавиться от своего бремени! Но ей нельзя было выделяться, ведь ее родители жизни свои положили ради того, чтобы она могла вести спокойное существование, а потому вести себя неосторожно значило свести на нет их усилия.

Ализэ давно научилась отказываться от своих чаяний и надежд.

Девушка встала, и вместе с ее юбками взметнулось облако саж. Надо было вычистить кухонный очаг до того, как утром спустится госпожа Амина, иначе Ализэ, скорее всего, снова окажется на улице. Несмотря на все ее старания, это случалось чаще, чем она могла сосчитать. Ализэ знала, что для избавления от джинна особые причины не нужны, но эти мысли ее не утешали.

Она взяла метлу и слегка вздрогнула, когда огонь совсем угас. Было поздно, очень поздно. Что-то в мерном тиканье часов заставило сердце Ализэ сжаться. Она всегда боялась темноты, хотя и не знала почему. Ей больше нравилось шить при свете солнца, но в это время она скребла полы и мыла уборные Баз Хауса, величественного поместья Ее Светлости, герцогини Джамилы Фетрусской.

Ализэ никогда не встречалась с герцогиней лично и только издали видела эту блистательную пожилую женщину. Все дела с прислугой вела госпожа Амина, экономка, которая назначила Ализэ испытательный срок из-за отсутствия у нее рекомендаций. Без них Ализэ не полагалось ни общаться с остальными работниками, ни собственной комнаты в крыле для слуг. Вместо этого ей отвели гнилой чулан на чердаке, где были только раскладушка, изъеденный молью матрас и половинка свечи. Свою первую ночь в Баз Хаусе Ализэ пролежала на узкой койке без сна и едва дыша. Ей не было дела ни до плесени, ни до моли: Ализэ считала, что ей сказочно повезло. Получить работу в таком богатом доме, когда ты джинн, само по себе было чудом, а ей еще и позволили остаться здесь и получить передышку от стужи зимних улиц...

Конечно, после смерти родителей Ализэ не раз устраивалась на работу, и ей часто разрешали ночевать в сарае или на сеновале; но собственной комнаты у нее не было никогда. Впервые за многие годы у Ализэ появилась возможность уединиться, и она была так переполнена счастьем, что боялась, как бы пол под ней не провалился. Той ночью, пока она изучала деревянные балки потолка, опутанные паутиной, ее била дрожь. И даже когда здоровенный паук размотал нить и опустился перед самым лицом Ализэ, она лишь улыбнулась, прижимая к груди бурдюк с водой.

Это было единственным, о чем она попросила.

– Воды? – нахмурившись, переспросила госпожа Амина так, словно Ализэ сказала, что хочет съесть ее дитя. – Ты и сама можешь достать себе воду, девочка.

– Простите меня, – ответила Ализэ, опуская глаза на порванную кожу своих туфель, которые еще не успела заштопать. – Я совсем недавно в городе и пока не знаю, где тут можно раздобыть пресную воду. Поблизости нет водоемов, а купить что-то на рынке я пока не могу себе позволить...

Госпожа Амина разразилась смехом.

Ализэ замолчала, чувствуя, как краснеет. Она не понимала, почему над ней смеются.

– Так ты не умеешь читать, дитя?

– Умею, – возразила Ализэ.

Она невольно подняла глаза, услышав боязливый вздох госпожи Амины. Та сделала шаг назад, ее улыбка исчезла.

– Тогда постарайся забыть, как это делается.

– Прошу прощения? – начала было Ализэ.

– Не глупи. – Глаза госпожи Амины превратились в узкие щелочки. – Никому не нужна грамотная прислуга. Ты сама рушишь себе будущее своим языком. Откуда ты, говоришь, родом?

Ализэ замерла.

Она не могла понять, злая эта женщина или добрая, но, впервые услышав такой совет, задумалась, вдруг именно ее сообразительность была виновницей всех несчастий? Может быть, если Ализэ будет вести себя осторожно, ей наконец удастся сохранить работу дольше нескольких недель. В обмен на безопасность девушка вполне готова была притвориться глупенькой.

– С севера, госпожа, – тихо ответила она.

– Твой говор не похож на северный.

Ализэ чуть было не призналась, что росла в относительной изоляции и разговаривала так, как говорили ее наставники; но, вспомнив свое положение, промолчала.

– Как я и думала, – обронила госпожа Амина в наступившей тишине. – Избавься от этого нелепого акцента. Ты говоришь, как ни на что не способная дурочка. Лучше вообще не открывай рот. Если сможешь оказаться полезной, я найду тебе применение. Говорят, джинны выносливы, и я ожидаю, что твоя работа будет соответствовать слухам, иначе вышвырну тебя обратно на улицу. Я ясно выразилась?

– Да, госпожа.

– Можешь взять свой бурдюк с водой.

– Спасибо, госпожа.

Ализэ сделала реверанс и уже почти развернулась, чтобы удалиться.

– О, и еще кое-что...

Девушка остановилась.

– Да, госпожа?

– Найди себе снуду как можно скорее. Больше никогда не хочу видеть твоего лица.

2

Едва отворив дверцу своей каморки, Ализе тут же почувствовала его – ощутила его присутствие так, словно сунула руки в рукава теплого зимнего пальто. Девушка замерла на пороге, сердце отчаянно колотилось.

Глупенькая.

Она тряхнула головой. Ей все привиделось, наверняка из-за нехватки сна. После чистки очага Ализе так долго оттирала руки и лицо от копоти, что совсем обессилела, и ее усталый рассудок вполне мог выдать что-нибудь бредовое.

Вздыхнув, девушка шагнула в непроглядную темноту комнаты, вслепую нащупывая спичку и свечу, что всегда держала подле двери. Уносить по вечерам второй огарок наверх госпожа Амина не позволяла, считая это поблажкой. Она и не думала, что Ализе продолжит работать после того, как погасят газовые лампы, так что приходилось подниматься наверх в темноте. В таком большом поместье свету на чердаке взяться было неоткуда. Если не считать редких лунных лучей, пробивающихся сквозь заросшее коридорное окошко, ночью чердак становился чернее смолы.

Если бы не отблески ночного неба, что помогали пробираться по многочисленным лестницам к ее каморке, Ализе ни за что бы не отыскала дорогу туда. В крошечной тьме ее настигал такой сильный парализующий страх, что она предпочла бы встрече с мраком смерть.

Огонек спички лизнул воздух, и заветная свеча быстро отыскалась. В центре комнаты появился теплый шар света, и впервые за день Ализе расслабила плечи.

Тихо прикрыв за собой дверцу, она вошла в каморку, столь крохотную, что в ней едва умещалась раскладушка.

Но Ализе здесь нравилось.

Она драила этот грязный чулан до крови на костяшках пальцев, до боли в коленях. В таких старинных красивых поместьях все когда-то было задумано прекрасным, и под слоями плесени, паутины и въевшейся грязи Ализе обнаружила изящный пол с узором в елочку, а на потолке – массивные деревянные балки. После уборки комната просто сияла.

Разумеется, госпожа Амина не заглядывала в этот чулан с тех пор, как его отдали прислуге, но временами Ализе гадала, что бы сказала экономка, увидев комнатку сейчас. Впрочем, Ализе уже давно научилась быть находчивой.

Она сняла сноду, размотав тонкую тюлевую ткань, обернутую вокруг глаз. Шелк был обязательным атрибутом всех, кто работал в услужении, а эта маска – достаточно свободная, чтобы прятать верхнюю часть лица, но не мешающая смотреть через нее, – указывала на принадлежность к самому низшему классу. Ализе выбрала работать прислугой не просто так: это

помогало ей быть незаметной. И хотя теперь люди не могли разглядеть ее странных глаз, Ализе все равно редко выходила из дома, опасаясь, как бы однажды их не увидел не тот человек.

Она глубоко вдохнула, прижав кончики пальцев к вискам, и мягко помассировала лицо, которое, казалось, не видела уже много лет. Зеркала у Ализе не было, а случайно брошенные мимоходом взгляды в зеркала Баз Хауса отражали только нижнюю часть ее лица: губы, подбородок и шею. В остальном Ализе была просто безликой служанкой, одной из десятков, и воспоминания о том, как она выглядела – или как ее описывали другие – девушка имела смутные. В памяти сохранился шепот матери на ухо, ощущение мозолистой руки отца на щеке.

«Ты лучшая из всех нас», – сказал он однажды.

Снимая туфли и убирая их в угол, Ализе прикрыла глаза от нахлынувших воспоминаний. За прошедшие годы ей удалось скопить достаточно лоскутков ткани, чтобы сшить себе одеяло и подушку. Свои одежды – платье, корсет и сноду – она вешала на старые гвозди, аккуратно обмотанные разноцветными нитками, а остальные вещи хранила в кем-то выброшенном ящике из-под яблок, который нашла в одном из курятников.

Стянув чулки, Ализе повесила их на натянутую бечевку – проветриваться. Она привыкла держать все в чистоте, ведь если у тебя нет дома, его можно создать самому. Даже если у тебя ничего нет.

Сидя на койке в одной сорочке, Ализе не переставала зевать, и пока матрас медленно проседал под ее весом, девушка вытаскивала шпильки из волос. Прошедший день давил ей на плечи, как и тяжелые густые локоны.

Мысли путались.

С большой неохотой Ализе задула свечу, подтянула ноги к груди и скорчилась, точно крошечное насекомое. Непонятный страх всегда заставлял ее ломать голову, ведь когда она ложилась спать и закрывала глаза, темнота переставала так пугать, и, даже дрожа от привычного холода, Ализе быстро погружалась в сон. Она набросила на плечи мягкое одеяло, стараясь прогнать мысли о том, насколько замерзла, – вообще все мысли. Но дрожь была такой сильной, что девушка даже не сразу заметила, как он сел. Когда его вес продавил матрас в изножье кровати, Ализе подавила вскрик.

Ее усталые глаза распахнулись. Она судорожно ощупала подушку, похлопала по одеялу и матрасу. Но ни на кровати, ни в комнате никого не было.

Почудилось ли ей? Ализе потянулась за свечой, но выронила ее – так дрожали руки.

Конечно же, все это был сон.

Но тут матрас застонал – невидимый вес сместился – и Ализе так испугалась, что перед глазами заплясали искры. Она отшатнулась, ударившись головой о стену, и отчего-то боль немного притупила панику.

Послышался резкий щелчок, и пламя, забившееся между его пальцами, осветило нежданного гостя.

Ализе перестала дышать.

Она не смогла узнать его по силуэту, не сумев разглядеть как следует, – но ведь печально известным дьявола делает не внешность, а голос.

Ализе знала это как никто другой.

Дьявол редко является в подобии плоти и никогда не говорит внятно или доходчиво. Он не так могущественен, как гласит его наследие, ибо ему запретили говорить так, как разговаривают другие: он навечно обречен изъясняться загадками, и позволено ему лишь подталкивать человека к гибели, но не повелевать им.

Заявлять о знакомстве с дьяволом в обществе не принято, как и говорить о его методах, ибо присутствие такого зла можно только ощутить.

Вот и Ализе не хотелось быть исключением.

По правде говоря, это дьявол первым поздравил ее с рождением в колыбели, а его непрощенные шифры были так же неотступны для девушки, как сырость после дождя. Родители Ализе отчаянно старались прогнать чудовище, но оно возвращалось снова и снова, расписывая гобелен ее жизни зловещими предчувствиями и суля беды, которых она, казалось, избежать не могла.

Даже сейчас Ализе слышала голос дьявола, ощущала его подобно воздуху внутри своего тела, словно зловещее дыхание, пронизывающее до самых костей.

– *Жил когда-то человек*, – прошептал он.

– Нет, – едва не выкрикнула Ализе в панике. – Только не очередная головоломка... пожалуйста...

– *Жил когда-то человек*, – повторил дьявол, – *и змей на плечах он носил*.

Ализе зажала уши обеими руками и замотала головой; еще никогда в жизни ей так сильно не хотелось плакать.

– Пожалуйста, – повторяла она, – пожалуйста, нет...

Но он продолжил:

*Жил когда-то человек
И змей на плечах он носил.
Пока змеи досыта ели,
Времени ход ему не грозил.*

Ализе крепко зажмурилась и подтянула колени к груди. Дьявол не замолкал, а спрятаться от него она не могла.

– *А что они ели, не ведал никто, хотя и шумела молва...*

– Пожалуйста, – снова взмолилась Ализе. – Пожалуйста, я не хочу знать...

*А что они ели, не ведал никто,
Хотя и шумела молва:
Кости, мозги, черепа на земле
И детей находили тела.*

Ализе порывисто втянула воздух, и дьявол исчез – испарился, его шепот пропал. Внезапно комната задрожала, тени на стене зашевелились и вытянулись, и в искаженном свете на девушку уставилось странное, размытое лицо. Ализе прикусила губу – так сильно, что ощутила вкус крови.

Это был юноша, которого она никогда раньше не видела.

В том, что это человек, у Ализе не было сомнений, но что-то в облике юноши отличало его от других. В тусклом свете он казался не вылепленным из глины, а высеченным из мрамора: лицо его имело жесткие черты, среди которых выделялся мягко очерченный рот. И чем дольше Ализе смотрела на юношу, тем сильнее билось ее сердце. Неужели, это и есть человек со змеями? Но зачем ей знать о нем? Почему она должна верить хоть одному дьявольскому слову?

А впрочем, ответ на последний вопрос она уже знала.

Разум Ализе все больше впадал в смятение, «отвернись, – кричал он ей, – это безумие», но...

Вверх по шее поползло тепло.

Ализе не привыкла смотреть на чье-либо лицо так долго, но это было невероятно красивое лицо: благородные черты, все эти прямые линии и впадины, небольшая спокойная надменность. Склонив голову, юноша разглядывал ее, особенно пристально изучая глаза. Его интерес разжег внутри Ализе позабытое пламя, взбудоражив уставший разум.

А затем из сгустка тьмы возникла его рука – он скользнул Ализе пальцем по губам, глядя ей прямо в глаза, и исчез.

И она закричала.

Начало

Предание о дьяволе изрядно поизносилось за долгие годы его пересказывания, а имя – Иблис (его настоящее имя было Иблис!), звучащее словно стук сердца на кончике языка, – было затеряно в катакомбах истории. Его собственный народ лучше других понимал, что чудовище было создано не от света, но из пламени. То были джинны – древняя раса, некогда владевшая землей и возрадовавшаяся вознесению Иблиса на небеса. Они лучше прочих знали, откуда пришел этот юноша, ибо стали свидетелями того, как он был возвращен и как его тело разбилось о землю, а их мир был оставлен гнить из-за его высокомерия.

Когда тело Иблиса рухнуло с неба, острые клювы птиц раздвинулись, а их широкие крылья замерли в воздухе. Падая, он сверкал, плоть его блестела, плавясь, а с кожи скатывались тяжелые капли жидкого огня. Этот огонь, все еще испускающий клубы пара, достиг земли раньше, чем тело Иблиса, неся гибель лягушкам, деревьям и гордости целой цивилизации, что навечно будет обречена кричать его имя звездам.

Ведь когда Иблис пал, пал и его народ.

Не Бог, а обитатели разрастающейся вселенной вскоре отвернулись от джинов; каждое небесное тело стало свидетелем зарождения дьявола – создания тьмы, доселе неизвестного, неназванного, – и никто не желал, чтобы его сочли сочувствующим врагу Всемогущего.

Первым от джинов отвернулось солнце. Один блик – и все свершилось; их планета, Земля, погрузилась в вечную ночь, покрылась ледяным панцирем и сошла с орбиты. Следом исчезла луна, столкнув мир с привычной оси и исказив его океаны. Вскоре все оказалось затоплено, а затем сковано льдом; за три дня население мира сократилось вдвое. Тысячи лет истории, искусства, литературы, изобретений – все было уничтожено.

Тем не менее, уцелевшие джинны не теряли надежды.

Постепенно, одна за другой, звезды поглотили сами себя, земная твердь под ногами просела и раскололась, а карты прошлых времен утратили свою значимость. В конце концов джинны перестали находить путь среди вечной тьмы и, безвозвратно потерянные, разбрелись кто куда.

За его грех Иблису была уготована лишь одна судьба – вечно преследовать создания, что вскоре должны были явиться из грязи. Глина – эта грубая, примитивная форма, пред которой Иблис не желал преклонять колени, – и унаследует мир джинов. Уж в этом они не сомневались. Это было предназначено.

А когда – джинны и сами не знали.

Небеса наблюдали за дьяволом, за той полужизнью, что ему приходилось влачить. Остальные же безмолвно смотрели, как замерзшие моря обрушиваются на берега, а с гневом

Иблиса отливы сменяются приливами. Тьма становилась все гуще, все плотнее от зловония смерти.

Не видя небесный свод, оставшиеся джинны не ведали, сколько времени их народ провел, скорчившись от холода и темноты; это могли быть как века, так и дни. Что было временем, когда не было ни лун, чтобы определить час, ни солнц, чтобы обозначить год? Время можно было различить только по рождению детей. То, что их души были сотворены из пламени, стало первой из двух причин, по которым джинны сумели пережить бесконечные зимы; второй стало то, что пищей им служила обыкновенная вода.

В этой воде глина медленно принимала форму, застывая, пока прежняя цивилизация массово вымирала от боли в сердце, от ужаса. Выстоявших вопреки всему джиннов мучила ярость, запертая в их груди, – гнев, сдерживаемый лишь тяжестью непреодолимого стыда.

Ведь когда-то джинны были единственными разумными существами на Земле; созданиями более сильными, быстрыми, правильными и хитрыми, чем глина. И все же большинство из них ослепло в вечной черноте, кожа их стала пепельной, а радужка – белой, лишенной пигмента. В мучительном отсутствии солнца даже эти огненные создания ослабели, и когда глина наконец твердо поднялась на ноги, солнце засияло вновь, вернув планету в исходное состояние и принеся с собой обжигающую боль от тепла.

Оно испепеляло отвыкшие от света глаза джиннов и плавило остатки плоти на их костях. Однако у джиннов, искавших убежище от этого жара, одна надежда все же оставалась: с возвращением солнца засияла и луна, а с луной появились звезды. И в лучах звездного света джинны проложили свой путь к спасению – на вершину земли, в ледящий холод, что стал им домом. В тиши они возвели себе новое скромное королевство, прижавшись своими сверхъестественными телами к поверхности времени и пространства так тесно, что почти испарились.

И было неважно, что джинны сильнее глины – людей, как те себя называли, – которая теперь владела землей и ее небесами; неважно, что джинны обладали большей мощностью, силой или скоростью; не имело значения, насколько горячи были их души. Грязь, узнали они, способна погасить пламя. Грязь со временем погребет их всех.

А Иблис...

Иблис всегда был неподалеку.

Вечное, бесславное существование дьявола служило им ярким напоминанием о том, что они потеряли, и о том, что им пришлось пережить, чтобы выжить. Джинны с глубоким сожалением сдали Землю новым властителям – и молились, чтобы их никогда не нашли.

Эта молитва, как и другие, осталась без ответа.

3

С первыми лучами солнца Ализе выбралась из постели, облачилась в платье, заколола волосы шпильками и натянула туфли. Обычно она уделяла больше внимания туалету, но сегодня проспала, и времени осталось лишь на то, чтобы протереть глаза смоченной в воде тряпкой. Заказанное платье ждали сегодня, а потому Ализе тщательно завернула его в несколько слоев тюля и перевязала бечевкой. Со свертком в руках девушка на цыпочках спустилась вниз по лестнице, развела огонь в кухонном очаге и толкнула тяжелую деревянную дверь, обнаружив за ней слой выпавшего за ночь снега, до самых колен.

Это жутко расстроило Ализу. Она зажмурилась и сделала успокаивающий вдох.

Нет, она не вернется в постель. У нее не было зимнего пальто или шапки – не было даже перчаток, – и если прямо сейчас она помчится обратно по лестнице, то, возможно, успеет проспать целый час до того, как ее хватятся, но девушка заставила себя выпрямить спину, прижимая к груди драгоценный сверток. Сегодня она получит свою плату.

Ализе шагнула на снежное покрывало.

Луна в это утро была столь огромной, что заслоняла собой почти все небо, и ее свет окутывал улицы сказочным сиянием. Солнце же – величиной всего с булавку – едва-едва проглядывалось вдалеке сквозь пышное суфле облаков. Деревья стояли полностью белые, ветви их были усыпаны пудрой. В этот ранний час – в снегу еще даже не успели протоптать дорожки – мир мерцал, такой белый, что казался почти голубым. С голубым снегом, голубым небом и голубой луной. Казалось, даже воздух пахнет синевой, настолько он был холодным.

Слушая, как ветер проносится по улицам, Ализе плотнее закуталась в свою тонкую кофточку. На улицах, точно на ее зов, вдруг появились рабочие-пахари в красных охотничьих шапочках, синхронно покачивающихся в такт лопатам, что обнажали полосы золотистого булыжника, и Ализе торопливо свернула на расчищенную дорожку, стряхнула с одежды снег и зашагала уже по сверкающему камню. Она вымокла насквозь до самых бедер, но думать об этом не хотела.

Вместо этого она стала смотреть на город.

День еще не начался, и звуки его пока не зазвучали: уличные торговцы еще не поставили свои киоски, магазинчики еще не открыли витрины. В этот час настороженные владельцы лавок только выглядывали из проемов дверей, тыча метлами в снег, и по усыпанной холодной крупной центральной дорожке ковыляла лишь троица ярко-зеленых уток. На обледеневшем углу развалился огромный белый медведь, на шерсти которого крепким сном спал беспризорный ребенок. Ализе обошла медведя стороной, не сводя глаз со спирали дыма, уходящей в небо. Это владельцы тележек с уличной едой разжигали огонь, начиная готовить. Девушка

вдыхала незнакомые запахи, пытаясь разобраться в них; она обучалась поварскому ремеслу и могла различать блюда на вид, но ей не хватало опыта, чтобы определять еду по аромату.

Джиннам нравилась пища, но они не нуждались в ней – не так, как нуждаются большинство существ, и потому Ализэ уже несколько лет как отказалась от подобной роскоши. Свой заработок она тратила на швейные принадлежности и регулярные омовения в местных хамах. Ее потребность в поддержании чистоты росла вместе с потребностью в воде. Пусть в груди у Ализэ пылал огонь, но жизнью ее была вода; это было все, что ей требовалось для выживания, – она пила ее, купалась в ней, и Ализэ непременно нужно было находиться вблизи нее. Чистоплотность стала основополагающим принципом жизни девушки, это она усвоила с детства. Раз в несколько месяцев Ализэ отправлялась в лес, чтобы найти дерево мисвак – дерево зубной щетки; с него она снимала щетину, которой пользовалась, чтобы поддерживать свежесть во рту и белизну зубов. Работа нередко заставляла Ализэ пачкаться, и любую свободную минуту девушка проводила, отмывая себя до блеска. Именно стремление к чистоте подтолкнуло ее к мысли о преимуществах работы прислужкой.

Ализэ замерла на месте.

Она случайно попала под солнечный луч и теперь грелась в нем, а в это время в памяти ее расцветали воспоминания: ведро с мыльной водой... грубая щетина половой щетки... смеющиеся родители.

Воспоминание было как отпечаток теплой ладони на груди. Мать и отец Ализэ научили ее не только уборке дома, но и основам большинства других ремесел; родители стремились привить дочери понимание важности труда. Но они и не предполагали, что она будет зарабатывать этим на жизнь.

Пока Ализэ проводила юность под руководством учителей и наставников, родители готовили ее к предполагаемому будущему и учили смирению и состраданию.

«Чувствуй, – однажды сказали ей они. – Оковы твоего народа часто не видимы глазу. Чувствуй, – говорили они, – тогда, даже слепая, ты будешь знать, как их сбросить».

Улыбались бы мать и отец Ализэ, увидев ее сейчас?

Плакали бы они?

Ализэ ничего не имела против работы в услужении – тяжелого труда она никогда не избегала, – но родители наверняка разочаровались бы в ней.

Ее улыбка померкла.

Мальчик был очень быстр – а Ализэ отвлеклась, – поэтому ей потребовалась лишняя секунда, чтобы заметить его. И за это время у ее горла оказался нож.

– Человек, сверток, – произнес мальчик, и его дыхание, горячее и кислое, коснулось ее лица.

Он говорил по-фештунски, а значит, был далеко от дома и, вероятно, голоден. Он навис над Ализэ сзади, грубо обхватив свободной рукой за талию. Судя по всему, нападавший был из варваров – и все же девушка чувствовала, что это всего лишь мальчик, просто очень рослый для своего возраста.

– Отпусти меня, – мягко сказала она. – И я даю слово, что не причиню тебе вреда.

Мальчик засмеялся.

– Нез бешоф.

Это значило «глупая женщина».

Сунув сверток под левую руку, Ализэ стиснула запястье нападавшего правой и ощутила, как скользнуло по ее горлу лезвие; мальчик вскрикнул и попятился. Она поймала его прежде, чем он упал, схватила за руку и дернула так, что вывихнула ему плечо, а затем толкнула мальчика в снег. Ализэ выпрямилась над ним, всхлипывающим в сугробе. Прохожие отводили от них глаза, игнорируя обитателей самых нижних ступеней общества. Всегда можно рассчиты-

вать на то, что прислуга и уличный бродяга прикончат друг друга, избавив магистрат от лишней работы.

Эти размышления показались Ализе мрачными.

Она осторожно подобрала со снега нож мальчика и всмотрелась в его грубую работу. Потом окинула взглядом нападавшего. Его лицо оказалось совсем юным, как Ализе и предполагала. Сколько ему было? Двенадцать? Тринадцать?

Девушка опустилась рядом с ним на колени, и он замер, всхлипывания ненадолго стихли.

– Нек, нек, лотфи, лотфи... – *Нет, нет, пожалуйста, пожалуйста...*

Ализе взяла его нетвердую руку, разжала грязные пальцы и вложила рукоять обратно в его ладонь. Она знала, что бедному мальчишке нож еще понадобится.

Снова.

– Есть и другие способы выжить, – прошептала она на фештунском. – Приходи на кухню поместья Баз Хаус, если тебе нужен хлеб.

Мальчик уставился на Ализу во все глаза. Она увидела, как он ищет ее взгляд сквозь сноту.

– Шора? – спросил он. *Почему?*

Ализе почти улыбнулась.

– Бек мефем, – тихо ответила она. *Потому что я понимаю.* – Бек бидем. – *Потому что я такая же, как ты.*

Ализе не стала дожидаться его ответа; она поднялась и отряхнула юбки. На горле ощущалась влага, поэтому девушка достала из кармана носовой платок и прижала его к порезу. Она все еще стояла там, не шевелясь, когда зазвонил колокол, возвещающая о наступлении нового часа и распугивая созвездия скворцов, чье переливчатое оперение искрилось на свету.

Ализе полной грудью вдохнула ледяной воздух. Она ненавидела холод, но он, по крайней мере, бодрил лучше, чем любой чай. В предыдущую ночь девушка спала всего два часа, но дневные хлопоты это не отменяло. Ей полагалось приступить к работе для госпожи Амины ровно через час, а до этого придется успеть сделать очень многое.

И все же Ализе медлила.

Нож, приставленный к горлу, вывел ее из равновесия; ее тревожило не нападение – за время, проведенное на улицах, она справлялась и со случаями похуже, чем голодный мальчишка с ножом, – а выбранный момент. В памяти всплыли события прошлой ночи: голос дьявола, мраморное лицо юноши.

Ализе не забыла их – просто отодвинула в сторону. Беспокойство требовало времени, которым девушка редко располагала, поэтому она часто откладывала тревоги и печали на дальнюю полку, оставляя их пылиться до тех пор, пока не подвернется свободная минута.

Однако Ализе была совсем не глупа.

Иблис преследовал ее всю жизнь, доводя своими загадками почти до безумия. Ализе не могла понять его неослабевающего интереса к ней, и хотя она догадывалась, что холод в жилах выделяет ее даже среди собственного народа, это не казалось достаточной причиной, чтобы ее мучить. Сам факт того, что жизнь Ализы была переплетена с этим шепчущим чудовищем, был ненавистен ей.

Дьявола проклинали все – и джинны, и глина; однако людям потребовались целые тысячелетия, чтобы постичь истину: джинны ненавидели дьявола, пожалуй, больше, чем кто-либо еще. В конце концов, это Иблис был ответственен за гибель их цивилизации, за то беспросветное, унижительное существование, к которому были приговорены предки Ализы. Из-за его деяний – его высокомерия – джинны тяжко страдали от рук людей, что тысячелетиями считали своим божественным долгом изгнать с земли существ, которых считали потомками дьявола.

Пятно этой ненависти было трудно стереть.

По крайней мере, в одном Ализе убеждалась снова и снова: появление дьявола было предзнаменованием неминуемой беды. Девушка слышала его голос перед каждой смертью, перед каждым горем, перед каждым воспалившимся суставом, на который опиралась ее страдальческая жизнь. И только когда Ализэ становилась особенно мягкосердечной, в ее душе зарождалось ноющее подозрение: что послания дьявола на самом деле были извращенным проявлением доброты, словно он хотел притупить неизбежную боль предостережением.

Но вместо этого он пугал ее и делал только хуже.

Ализэ проводила дни, теряясь в догадках, какие испытания постигнут ее, какие муки подстерегут. И когда...

Рука ее замерла; окровавленный платок упал на землю, незамеченный. Сердце девушки вдруг заколотилось с силой копыт, бьющихся о грудную клетку. Она едва могла сделать вдох. Лицо, это нечеловеческое лицо. Он был прямо здесь... наблюдал за ней какое-то время.

Ализэ обратила внимание на его плащ почти одновременно с тем, как увидела лик юноши. Черная шерсть тончайшей выделки была тяжелой, искусно скроенной; даже отсюда, даже в этот самый момент, Ализэ разглядела ее изысканное великолепие. Без сомнения, это была работа мадам Незрин, швеи-мастерицы самого выдающегося ателье империи; Ализэ смогла бы узнать работу этой женщины где угодно. На самом деле, Ализэ была способна узнать работу почти любой мастерской в империи, именно поэтому ей часто хватало одного взгляда на незнакомца, чтобы догадаться, сколько людей на похоронах притворяются, что оплакивают его.

Этого человека, карманы которого, несомненно, глубже, чем у самого Дариуша, будет оплакивать множество подхалимов, решила она. Незнакомец оказался высок и грозен. Он надвинул на голову капюшон, скрывая большую часть лица, но это не сделало его безыменным существом, которым он надеялся казаться. Девушка заприметила подкладку его плаща на ветру: чистейший чернильный шелк, выдержанный в вине и закаленный стужей. На создание подобной ткани ушли годы. Тысячи часов труда. Юноша, скорее всего, даже не подозревал, что на нем надето, как и не подозревал, похоже, что и с такого расстояния Ализэ может различить, что застежка у его горла изготовлена из чистого золота, а стоимость его простых, ничем не украшенных сапог позволила бы накормить несколько сотен семей в городе. Юноша был глупцом, думая, что выглядит незаметным, что у него есть преимущество перед ней, что он...

Ализэ оставалась неподвижна.

В ее разуме медленно пробуждалось осознание, а вместе с ним – густая, отупляющая тревога.

Как долго он стоял там?

*Жил когда-то человек
И змей на плечах он носил.*

По правде говоря, Ализэ вообще не обратила бы на него внимания, если бы он не смотрел на нее так пристально, пригвождая взглядом к месту. И тут ее как громом поразило, она ахнула: она видела его только потому, что он позволил ей обнаружить себя.

Кто же из них был глупцом?

Без сомнения, это она.

Паника разожгла огонь в груди. Ализэ бросилась прочь, помчавшись по улицам с той сверхъестественной стремительностью, которую приберегала только для самых страшных передраг, и исчезла.

Неизвестно, какую тьму принесет с собой этот странный юноша. Она знала лишь, что никогда ей не убежать от него.

И все же она должна попытаться.

4

Луна на небосводе занимала так много места, что Камрану казалось, он мог бы коснуться ее пальцем и начертить круги вокруг кратеров на ее поверхности. Он разглядывал ее вены, звездочки и белые оспины, напоминающие паучьи мешочки, пока напряженно думал; глаза его сузились из-за непостижимого наваждения.

Она и правда исчезла.

Камран не собирался глазеть на нее, но как он мог отвести взгляд? Он уловил опасность в движениях нападавшего еще до того, как тот обнажил нож; что еще хуже, никто не обратил внимания на эту сцену. Девушку могли покалечить, похитить или убить – и, хотя Камран поклялся сохранять анонимность при свете дня, каждая клеточка тела подталкивала его предупредить, вмешаться, пока не стало слишком поздно...

Но ему не было нужды беспокоиться.

Тем не менее, беспокоило его многое – и не в последнюю очередь то, что с девушкой было что-то не так. Она носила сноду – покров из полупрозрачного шелка, который не то чтобы скрывал, но размывал ее черты. Само по себе наличие сноды было довольно безобидным; ее носили все, кто трудился в услужении. Видимо, девушка работала служанкой.

Однако слугам не полагалось надевать сноду в нерабочее время, и то, что девушка надела ее в столь ранний час, когда королевские особы еще отдыхали, было необычно.

Скорее всего, это никакая не служанка.

Шпионы проникали в империю Ардунии годами, но в последние месяцы число их опасно увеличилось, и это подпитывало тревогу Камрана, от которой он никак не мог избавиться.

Он выдохнул разочарование, выпустив в морозный воздух облачко пара.

С каждым мгновением Камран все больше убеждался, что девушка выкрала форму служанки. Ее выдавало незнание множества правил и особенностей, определявших жизнь низших классов. Одна походка уже настораживала: девушка ступала слишком уверенно для прислуги, держа царственную осанку, выработанную явно в детстве.

Камран был твердо уверен, что девушка что-то скрывала – это был не первый случай, когда шпионы прибегали к сноде, чтобы укрыться от посторонних глаз.

Юноша взглянул на часы на площади: он прибыл в город сегодня утром, чтобы побеседовать с прорицателями, приславшими таинственную записку с просьбой об аудиенции с ним, хотя о своем возвращении домой он не объявлял. Однако им, похоже, придется подождать, ибо острое чутье Камрана не желало успокаиваться.

Как служанка смогла так хладнокровно обезоружить человека, приставившего нож к ее горлу, всего одной свободной рукой? Где она нашла время или монеты, чтобы обучиться навыкам самозащиты? И что такого она сказала этому человеку, раз тот остался рыдать в снегу?

Преступник начал вставать только сейчас. Его рыжие кудри говорили о том, что он родом из Фешта – региона, расположенного по меньшей мере в месяце пути на юг от Сетара; этот человек не только находился вдали от дома, но и, похоже, испытывал сильную боль: одна его рука свисала ниже другой. Камран проследил за тем, как рыжеволосый придерживает больную конечность – судя по всему, вывихнутую, – здоровой рукой, осторожно поднимаясь. Слезы прочертили чистые дорожки на грязных щеках преступника, и Камран впервые хорошенько присмотрелся к нему. Если бы он умел проявлять эмоции лучше, на лице его отразилось бы удивление: преступник оказался совсем еще мальчишкой.

На ходу надвигая на лицо маску из замысловатой кольчужной ткани, Камран стремительно направился к пареньку. Он шел против ветра, плащ его хлопал по сапогам, и только когда Камран уже почти столкнулся с ребенком, то остановился. Мальчик-фешт отпрянул от него, вздрогнув от боли, которую причинило ему движение. Он обхватил раненую руку, прижал голову к груди, точно перевернутая многоножка, и с неразборчивым бормотанием попытался проскочить мимо.

– Лотфи, хедж, бехшти... – *Пожалуйста, господин, простите меня...*

В жестокость этого ребенка едва верилось. И все же осознать свою правоту – мальчишка говорил на фештунском, – было отранно.

Камран хотел выдать его магистрату и подошел только поэтому. Но теперь обнаружил, что колеблется.

И снова мальчишка попытался протиснуться мимо, и снова Камран преградил ему путь.

– Кя тан гофт эт чекнез? – *Что сказала тебе та молодая женщина?*

Вопрос заставил фешта вздрогнуть. Сделать шаг назад. Кожа его была всего на тон или два светлее карих глаз, с россыпью чуть более темных веснушек на носу, и все же на его лице пятнами расцвел румянец.

– Бехшти, хедж, нек мефем... – *Простите, господин, я не понимаю...*

Камран сделал шаг ближе, и мальчишка почти заскулил.

– Джев ман, – произнес Камран. – Прес. – *Отвечай. Сейчас же.*

И тогда мальчишка затараторил так, что его слова стало почти невозможно разобрать. Камран перевел:

«Ничего, господин. Прошу вас, господин, я не причинил ей вреда. Это было просто недо-
разумение...»

Камран стиснул рукой в перчатке вывихнутое плечо мальчишки, и тот вскрикнул, задохнувшись, колени его подкосились.

– Ты смеешь врать мне в лицо...

– Господин, пожалуйста... – теперь паренек плакал. – Она только вернула мне мой нож, господин, клянусь, а потом она предложила мне хлеб, она сказала...

Камран отступил назад, убирая руку.

– Ты продолжаешь лгать.

– Я клянусь могилой моей матери. Клянусь всем святым...

– Она вернула тебе оружие и предложила накормить тебя, – прорычал Камран, – после того, как ты едва не убил ее? После того, как ты пытался ограбить ее?

Мальчик замотал головой, на его глазах снова выступили слезы.

– Она проявила ко мне милосердие, господин... Пожалуйста...

– Довольно!

Рот паренька захлопнулся. Раздражение Камрана нарастало; ему отчаянно хотелось кого-нибудь ударить. Он еще раз окинул взглядом площадь, словно девушка могла появиться так же внезапно, как исчезла. Взгляд снова остановился на мальчишке.

– Ты приставил клинок к горлу женщины, словно самый подлый трус, презреннейший из людей. – Голос Камрана гремел подобно грому. – Возможно, та женщина и проявила к тебе милосердие, но я не вижу причин поступить так же. Неужели ты рассчитываешь уйти от суда? Без восстановления справедливости?

Паренек запаниковал.

– Пожалуйста, господин, я умру! Я перережу себе горло, если вы прикажете! Только не отдавайте меня магистрату, умоляю вас!

Камран растерянно моргнул. С каждой секундой ситуация становилась все более запутанной.

– Почему ты говоришь подобное?

Мальчишка мотал головой, все больше впадая в истерику, – глаза его были безумны, а страх казался слишком реальным для спектакля. Фешт завыл, и его голос гулко прокатился по улице. Как уговорить паренька, Камран понятия не имел: даже его умирающие солдаты никогда не позволяли себе такой слабости в его присутствии. В голову запоздало пришла мысль позволить мальчишке убраться восвояси, но едва Камран открыл рот, как рыжеволосый безо всякого предупреждения вогнал клинок в собственное горло.

Камран судорожно вдохнул.

Мальчик, чьего имени он не знал, захлебывался кровью от ножа, все еще вонзенного в его шею. Подхватив фешта в падении, Камран почувствовал под пальцами острые очертания ребер паренька. Тот был невесом, как птенец, кости выпирали, и причиной тому, несомненно, был голод.

Старые инстинкты взяли верх – Камран стал отдавать приказы тем самым голосом, которым командовал легионом, и незнакомые люди, появившиеся словно из воздуха, оставили собственных детей, чтобы исполнить его волю. Голова Камрана была настолько затуманена неверием в происходящее, что он едва заметил момент, когда мальчишку забрали из его рук и унесли с площади. Он смотрел на кровь, на запятнанный снег, на красные ручейки на крышке люка – словно никогда и не видел смерти прежде. Но он видел, видел; Камран думал, что повидал все возможные проявления тьмы. Однако никогда еще он не наблюдал, как самоубийство совершает ребенок.

Именно тогда Камран заметил носовой платок.

Он видел, как та девушка прижимала его к своему горлу – к порезу, нанесенному мальчиком, который теперь наверняка был мертв. Камран видел, как эта странная незнакомка смотрит в лицо приближающейся смерти со стойкостью солдата и с состраданием святой. Теперь у Камрана не осталось сомнений в том, что она действительно шпионка, чья проницательность удивила даже его.

Ей хватило одного мгновения, чтобы разобраться, как следовало поступить с этим ребенком, не так ли? И она справилась гораздо лучше, чем Камран; и теперь, при воспоминании о ее стремительном бегстве, беспокойство юноши росло. Камран редко испытывал стыд, но сейчас это чувство клокотало внутри него, не желая затихать.

Он осторожно поднял со снега вышитый квадрат, ожидая, что белая ткань будет запачкана кровью, но та оказалась чистой.

5

Стук каблучков Камрана о мраморный пол, эхом разносившийся по просторным залам его дома, был непривычно громок. После смерти отца Камран обнаружил, что его жизнью способна двигать только одна эмоция; тщательно культивируемая, она разрасталась в его груди, словно искусственно вживленный орган.

Гнев.

Он поддерживал в Камране жизнь гораздо лучше, чем это когда-либо делало сердце.

Юноша испытывал гнев постоянно, но сейчас ощущал его особенно сильно, и да хранит Господь человека, который перейдет Камрану дорогу, когда он в таком настроении.

Сунув платок девушки в нагрудный карман, он резко развернулся и направился прямо к своей лошади, которая терпеливо дожидалась его возвращения. Камран любил лошадей. Они не задавали вопросов, прежде чем сделать то, что им велели; по крайней мере, не языком. Вороной спокойно отнесся к окровавленному плащу хозяина и его рассеянности.

Но не Хазан.

Министр следовал за ним, почти не отставая, его сапоги стучали по полу с впечатляющей скоростью. Если бы не тот факт, что они выросли вместе, Камран, вероятно, отреагировал бы на эту дерзость самым незлегантным способом, а именно – применением грубой силы. Но именно его неспособность к благоговению и сделала Хазана идеальным кандидатом на роль министра. Подхалимов Камран не выносил.

– Вы даже хуже болвана, вы знаете об этом? – Хазан произнес это с величайшим спокойствием. – Вас следовало бы прибить к самому старому дереву Бензесса. Или дать скарабеем содрать плоть с ваших костей.

Камран промолчал.

– Такой процесс может длиться несколько недель. – Хазан наконец-то нагнал его и теперь легко поспевал следом. – Я бы с удовольствием наблюдал, как они пожирают ваши глаза.

– Уверен, ты преувеличиваешь.

– Уверяю вас, нет.

Камран резко остановился, но Хазан, к его чести, не дрогнул. Оба молодых человека решительно повернулись лицом друг к другу. Когда-то Хазан был мальчишкой, чьи колени напоминали артритные суставы; в детстве он едва мог стоять прямо, чтобы сохранить себе жизнь. И Камран не мог не поразиться тому, как Хазан изменился сейчас, как мальчик вырос в мужчину, который с улыбкой угрожал кронпринцу расправой.

Камран встретил взгляд своего министра с невольным уважением. Они с Хазаном были почти одного роста и схожего телосложения.

Но лица их поразительно разнились.

– Нет, – ответил Камран, устало даже для самого себя. Острая кромка его гнева понемногу начинала тупиться. – Что касается твоего энтузиазма по поводу моей мучительной кончины, то в этом я не сомневаюсь. Я говорю исключительно о твоей оценке ущерба, который, по твоим словам, я произвел.

Ореховые глаза Хазана сверкнули, но это было единственным внешним признаком его разочарования. Тон его остался спокоен.

– Если вы не уверены, что ваше деяние не было роковой ошибкой, это говорит о том, что вам, сир, следует проверить свою шею у дворцового мясника.

Камран почти улыбнулся.

– Вы находите это забавным? – Хазан сделал выверенный шаг ближе. – Вы всего лишь оповестили все королевство о своем присутствии, выкрикнули в толпу подтверждение своей личности, обозначили себя мишенью, будучи совершенно незащищенным...

Камран ослабил застежку у горла и позволил плащу упасть. Окровавленное одеяние тут же подхватили невидимые руки, и слуга, подобный призраку, вскочив с места, скрылся из виду. В ту же секунду, когда перед глазами мелькнула снода слуги, в памяти снова всплыла та девушка.

Камран мрачно провел рукой по лицу. Он уже позабыл о засохшей крови мальчишки на своих ладонях и надеялся, что сможет забыть снова. Он слушал выговоры министра лишь вполуха – он не был с ними согласен.

Принц не считал свои поступки глупыми и не думал, что интересоваться делами низших сословий – выше его достоинства. С глазу на глаз Камран вполне допускал, что это может быть бесполезным занятием: если он станет разбираться в каждой стачке на городских улицах, то едва ли найдет время, чтобы сделать вдох, – но забота о жизни ардунианцев была прямой обязанностью принца, а утреннее кровопролитие показалось ему не просто случайным проявлением насилия. И чем дольше Камран размышлял об этой ситуации, тем более гнусной она ему представлялась, а ее действующие лица казались сложнее, чем выглядели на первый взгляд. В тот момент принц счел разумным вмешаться...

– В разборку двух бесполезных существ, которым лучше было решить все между собой, – с легким укором заметил Хазан. – Девушка предпочла отпустить мальчишку, а вы решили, что она сглупила, и захотели поиграть в Бога? Нет, не отвечайте. Не думаю, что хочу слышать ответ.

Камран бросил на министра косой взгляд.

Губы Хазана были сжаты в тонкую линию.

– Я мог бы найти смысл в этом вмешательстве, если бы тот парень действительно убил девушку. Но, несмотря на это, – категорично изрек министр, – я не вижу никакого оправдания вашему безрассудному поведению, сир, никакого объяснения вашему легкомыслию, кроме гротескной потребности побыть героем...

Камран устремил взор в потолок. Он мало что любил в своей жизни, но всегда высоко ценил красоту симметрии – осмысленной последовательности. Сейчас он разглядывал высокие сводчатые потолки и искусную резьбу альковов: каждый проем и каждая ниша были украшены звездами, вырезанными из редких металлов, глазурованные плитки искусно складывались в геометрические узоры, повторяющиеся до бесконечности.

Принц поднял окровавленную руку, и Хазан замолчал.

– Довольно, – тихо сказал Камран. – Я достаточно долго терпел твой выговор.

– Да, Ваше Высочество. – Хазан немного отступил назад, но с любопытством уставился на принца. – Дольше, чем обычно, я бы сказал.

Камран вымученно улыбнулся.

– Молю тебя, избавь меня от своего анализа.

– Осмелюсь напомнить вам, сир, что мой государственный долг как раз заключается в предоставлении вам этого самого анализа, к которому вы питаете такое отвращение.

– Прискорбный факт.

– И отвратительное занятие, когда советы принимаются подобным образом, не находите?

– Небольшой совет, министр: давая совет варвару, ты мог бы сначала поубавить свои ожидания.

Хазан улыбнулся.

– Вы сегодня не в себе, сир.

– Бодрее, чем обычно, не так ли?

– Этим утром вы гораздо мрачнее, чем хотели бы признавать. Как раз сейчас я мог бы поинтересоваться, почему смерть этого беспризорника так взволновала вас.

– Ты бы зря потратил свое время.

– О. – Хазан по-прежнему сдерживал улыбку. – Вижу, что день еще не созрел для открытости.

– Если я и вправду взволнован, – произнес принц, теряя остатки самообладания, – то напоминание о том, что мой отец повесил бы тебя за твою дерзость, несомненно, говорит о моем энтузиазме.

– Именно так, – мягко ответил Хазан. – Однако сейчас мне кажется, что вы отнюдь не ваш отец.

В голове у Камрана зашумело. Он без раздумий выхватил меч из ножен, и только когда увидел едва сдерживаемое веселье в глазах министра, замер, остановив руку.

Принц смутился.

Проведя вдали от дома больше года, он успел позабыть, как нужно разговаривать с людьми. Долгие месяцы Камран посвящал всего себя службе империи – охраняя границы, возглавляя сражения и мечтая о смерти.

Их вражда с югом была стара, как само время.

Ардуния слыла грозной империей – крупнейшей во всем известном мире, – но ее величайшая слабость была одновременно и главным секретом, и источником глубочайшего позора: у нее заканчивалась вода.

Камран всегда испытывал гордость за ардунианские водоносные системы – простые и понятные сети, по которым вода поступала из подземных источников в наземные резервуары, используемые для получения питьевой воды и орошения посевов. Проблема заключалась в том, что эта система полностью зависела от грунтовых вод, поэтому огромные части территорий Ардунианской империи веками оставались непригодными для жизни. Решить эту проблему можно было лишь с помощью доставки пресной воды на морских судах из реки Машти.

Самый быстрый путь к этой гигантской водной артерии находился в низинах Тулана, небольшой соседней империи, примыкающей к южной границе Ардунии. Туланское государство было подобно блохе, которую не могли стряхнуть, паразиту, которого не получалось ни уничтожить, ни вывести. Ардуния страстно желала возвести акведук, проходящий через самое сердце южного соседа, но, десятилетие за десятилетием, местные короли не желали покоряться. Единственным мирным предложением Тулана в обмен на доступ к реке был разорительный налог, непомерно большой даже для Ардунии. Они предпринимали попытки сокрушить Тулан несколько раз, но ардунианские войска всегда несли поразительные потери – во время одного из таких походов и погиб отец Камрана, – и никто на севере не мог понять, в чем причина неудач Ардунии.

Между двумя народами выросла ненависть, подобная непроходимой горной цепи.

Почти столетие ардунианский флот вынужденно выбирал намного более опасный путь к воде, проводя долгие месяцы в поисках подступов к бурной реке. Тогда им сопутствовала удача: Ардуния была благословлена не только обильными сезонами дождей, но и инженерами,

которые создали внушительные по размерам водохранилища для сбора и сохранения дождевой воды на долгие годы. Но сейчас облака уже не казались полными влаги, а резервуары империи были на исходе.

Каждый день Камран молился о дожде.

Официально Ардуния не вела войны – пока не вела, но мир, как узнал Камран, тоже достигается кровавой ценой.

– Ваше Высочество. – Робкий голос Хазана напугал принца, вернув его в реальность. – Простите меня. Мои слова были легкомысленны.

Камран поднял голову.

Зал, в котором он находился, внезапно обрел четкость: блестящие мраморные полы, нефритовые колонны, высокие опаловые потолки. Ладонь ощущала потертую кожу эфеса меча, и принц все лучше ощущал собственное тело: мускулатуру, вес, который он носил всегда и о котором редко задумывался, тяжесть в руках и ногах. Камран заставил себя вернуть меч в ножны и на мгновение прикрыл глаза. В воздухе пахло розовой водой и свежим рисом; рядом прошмыгнул слуга с медным подносом, уставленным чайными принадлежностями.

Как долго принц был погружен в свои мысли?

В последнее время он стал беспокойным и рассеянным. Недавнее появление туланских шпионов на ардунианской земле не давало ему спокойно спать; их наличие тревожило само по себе, а к этому добавлялся еще ворох забот – принца волновали не только запасы воды, но и недавнее путешествие, во время которого Камран видел такие вещи, которые все еще занимали его разум.

Будущее казалось неясным, а роль принца в нем – мрачной.

Находясь в отъезде, Камран часто посылал деду новости. Его последнее письмо буквально изобиловало известиями из Тулана, который смелел с каждым днем все больше. Слухи о расправах и политических маневрах гремели вовсю, и, несмотря на условный мир между двумя империями, Камран подозревал, что война неизбежна.

Его возвращение в столицу на прошлой неделе было вызвано всего двумя причинами: во-первых, после опасного плавания принцу было необходимо пополнить запасы воды в центральных водохранилищах, из которых вода поступала уже в остальные резервуары по всей империи, после чего доставить войска домой в целости и сохранности. А во-вторых: его попросил об этом дед.

В ответ на множество опасений Камрана, выраженных в письме, принцу было велено возвращаться в Сетар. Передохнуть, как выразился король. Довольно безобидная просьба, однако Камран знал, что она была не совсем обычна.

Принц вернулся во дворец неделю назад, и с каждым днем его тревога только возрастала – король так и не ответил на его записку даже спустя семь дней, и Камрану делалось все спокойнее и спокойнее без задания и без воинов. В этот самый момент Хазан как раз излагал те же мысли, допуская, что именно эта нетерпеливость принца...

– ...возможно, единственное правдоподобное объяснение ваших действий сегодня утром.

Это так. По крайней мере, с тем, что ему не терпелось вернуться к исполнению своих обязанностей, Камран мог согласиться. Ему снова предстоит отбыть из дома, понял он.

И скоро.

– Меня утомил этот разговор, – отрезал принц. – Будь добр, помоги мне поскорее покончить с ним и скажи, что тебе нужно. Мне пора в путь.

Хазан замешкался.

– Да, сир, разумеется, но... Разве вы не хотите выяснить, что стало с этим ребенком?

– Каким ребенком?

– С мальчиком, конечно. С тем, чья кровь и сейчас обагрят ваши руки.

Камран застыл, гнев его внезапно вспыхнул с новой силой. Для того, чтобы разжечь огонь, который потускнел, но еще не угас, нужно совсем немного, осознал принц.

– Нет.

– Но вас может утешить тот факт, что он еще не умер.

– Утешить меня?

– Вы выглядите расстроенным, Ваше Высочество, и я...

Камран сделал шаг вперед, его глаза сверкнули. Он внимательно всмотрелся в лицо Хазана: в изломанный изгиб его носа, в подстриженные пепельно-русые волосы. Кожу министра так густо усеивали веснушки, что его брови были едва различимы; в детстве над ним издевались по множеству причин – трагических, казалось бы, во всех отношениях, кроме одной: именно страдания Хазана и послужили причиной их первой встречи с принцем. В тот день, когда Камран заступился за незаконнорожденного ребенка одного из придворных, этот ребенок преклонил колени и поклялся в верности молодому принцу.

Даже тогда Камран пытался не замечать того, что считал ниже своего уровня, однако ему это не удалось.

Не удавалось и сейчас.

– Ты забываешься, министр, – мягко напомнил он. – Переходи к делу.

Хазан склонил голову в поклоне.

– Ваш дед ожидает вас. Он хочет вас видеть незамедлительно.

Камран на мгновение застыл, веки его опустились.

– Понятно. Значит, ты не преувеличивал свое разочарование.

– Нет, сир.

Принц открыл глаза. В отдалении замелькал калейдоскоп красок, постепенно ставший ярче. До Камрана донесся шелест шепотков, мягкие шаги снующих слуг, легкое шуршание шелковых снод. Никогда принц не обращал на это столь привычное одеяние такого внимания, но теперь каждый раз, когда снода попадалась ему на глаза, он вспоминал ту проклятую служанку. Шпионку. Он едва не свернул себе шею, чтобы избавиться от этой мысли.

– И чего король желает от меня, знаешь?

Хазан замялся.

– Теперь, когда ваш народ понял, что вы дома, я полагаю, король попросит вас исполнить свой долг.

– Какой именно?

– Устроить прием.

– В самом деле. – Камран сжал челюсть. – Я бы предпочел поджечь сам себя. И это все?

– Он настроен очень серьезно, Ваше Высочество. До меня дошли слухи, что о проведении праздника уже было объявлено...

– Отлично. Вот, возьми, – Камран извлек из кармана камзола платок, держа его только большим и указательным пальцами, – и отдай на изучение.

Хазан поспешно спрятал платок в карман.

– Нужно ли мне проверить его на предмет чего-либо конкретного, Ваше Высочество?

– Меня интересует кровь. – Встретив безучастный взгляд Хазана, принц продолжил. – Он принадлежал служанке, которой мальчик-фешт чуть не перерезал горло. Думаю, она может оказаться джинном.

Теперь нахмурился уже Хазан.

– Понимаю.

– Боюсь, что нет.

– Простите меня, Ваше Высочество, но каким образом ее кровь может нас беспокоить? Насколько вам известно, Огненное Соглашение дарует джиннам право на...

– Я прекрасно осведомлен о наших законах, Хазан. Меня занимает не только ее кровь, но и то, как она себя вела.

Брови Хазана поднялись.

– Я ей не доверяю, – резко повторил Камран.

– А разве вам нужно ей доверять, сир?

– Что-то в этой девушке было не так. Она держалась словно благородная.

– О. – Брови Хазана поднялись еще выше, в его глазах промелькнуло понимание. – И в свете недавно проявленного дружелюбия со стороны Тулана...

– Я хочу знать, кто она.

– Вы полагаете, что шпионка.

То, как министр произнес это, словно решил, что Камран бредит, опечалило принца.

– Ты не видел того, что видел я, Хазан. Она обезвредила мальчишку одним взмахом руки. Вывихнула ему плечо. Ты не хуже меня знаешь, насколько туланцы дорожат джиннами за их силу и быстроту.

– Безусловно, – осторожно проронил Хазан. – Однако я хотел бы напомнить вам, сир, что ребенок, которого она обезоружила, был слаб от голода. Его кости мог раздробить и сильный порыв ветра. Больная крыса могла одолеть его.

– Все равно. Найди ее.

– Служанку.

– Да, служанку, – раздраженно повторил Камран. – Она сбежала, когда увидела меня. Она смотрела на меня так, будто знала, кто я.

– Прошу прощения, сир, но я думал, что вы не разглядели ее лица.

Камран издал глубокий вздох.

– Может быть, министр, тебе следует поблагодарить меня за то, что я поручил тебе такое задание? Если, конечно, не хочешь, чтобы я поискал тебе замену.

Губы Хазана дрогнули; он поклонился.

– Я рад, как всегда, быть к вашим услугам.

– Скажи королю, что я должен принять ванну перед нашей встречей.

– Но, сир...

Камран зашагал прочь, и звук его удаляющихся шагов снова огласил просторные залы. Гнев начал разгораться опять, неся с собой влагу, затуманивавшую взор и приглушавшую звуки.

И все же жаль, что тогда Камран не стал анализировать себя. Он не заглядывал в щели своего любопытства, гадая, какие еще чувства могут скрываться под оболочкой неизменного гнева, и ему не приходило в голову, что, возможно, он испытывает нечто вроде смутного горя, а потому принцу не казалось необычным представлять в этот момент, как его меч пронзает чье-нибудь сердце. Камран был настолько поглощен этой фантазией, что даже не услышал, как его окликнула мать: ее украшенная драгоценностями мантия, поскрипывая сапфирами, волочилась по мраморному полу вслед за ним.

Камран редко прислушивался к голосу матери, пока не становилось слишком поздно.

6

Утро, помимо всех прочих событий, разочаровало Ализэ. Она принесла в жертву целый час сна, смело встретила зимний рассвет, едва избежала покушения на свою жизнь и в конечном итоге вернулась в Баз Хаус с одним лишь сожалением, желая, чтобы карманы ее были такими же тяжелыми, как и мысли.

Она несла в руках этот неудобный сверток, пробираясь по сугробам, пока не очутилась у входа для слуг в поместье лоудженского посла, где с трудом пролепетала замерзшими губами причину своего визита. Белобрысая экономка вручила дрожащей и усталой Ализэ кошелек с деньгами, и та допустила ошибку, пересчитав монеты только после сдачи заказа. А потом, совсем забывшись, осмелилась возразить, что здесь произошла какая-то ошибка.

– Простите меня, госпожа, но тут только половина того, о чем мы договаривались.

– Хм... – хмыкнула экономка. – Остальное ты получишь, как только моя госпожа решит, что платье ей понравилось.

Глаза Ализэ округлились.

Возможно, если бы ее юбки не были скованы инеем, грудь не раскалывалась от холода, а губы не онемели настолько сильно, – или может, если бы ее ноги не потеряли всякую чувствительность, – то Ализэ бы вспомнила, что ей следует прикусить язык. Она кое-как сдержала возмущение и только чудом осталась спокойна.

– Но ведь госпожа Худа может решить, что платье ей не нравится, просто чтобы не платить, – заметила она.

Экономка отпрянула, словно ее ударили.

– Поосторожнее со словами, девчонка. Я не потерплю, чтобы кто-то называл мою хозяйку непорядочной.

– Но ведь вы понимаете, что это нечестно... – произнесла Ализэ, поскользываясь на ледяном порошке. Она ухватилась за дверной косяк, чтобы не упасть, и экономка отшатнулась еще дальше – на этот раз с нескрываемым отвращением.

– Вон, – прошипела она. – Убери свои грязные руки от моей двери...

Испугавшись, Ализэ отскочила назад, почти наступив на еще один кружок льда, оказавшийся слева от нее.

– Госпожа Худа даже не позволит мне войти в дом, – заикаясь, пролепетала она, дрожа всем телом от стужи. – Она не позволит мне сделать ни одной примерки – платье может не понравиться ей по любой из причин...

Дверь перед ее носом захлопнулась.

В этот момент Ализе почувствовала резкую боль в груди, от которой стало трудно дышать, и это ощущение не покидало ее весь день.

Девушка снова нащупала маленький кошелек, что лежал в кармане ее фартука и касался бедра. Она вернулась в Баз Хаус с запозданием, поэтому убрать заработанные деньги в более надежное место не успела.

На обратном пути мир начал оживать, каждое новое пробуждение в Сетаре отпечатывалось на свежевывавшем снегу. Улицы города охватила подготовка к Фестивалю зимних роз, и, хотя Ализе нравился пьянящий аромат розовой воды, разлитый в воздухе, время, остававшееся до того, как колокол прозвонит на работу, она предпочла бы провести в тишине. В тот момент Ализе не знала, что желанная тишина может не наступить вовсе.

Когда часы пробили шесть, девушка уже была на кухне с метлой в руках; она тихо стояла в тени, придвинувшись так близко к огню, как только могла. Все остальные слуги Баз Хауса, собравшиеся за длинным деревянным столом для утренней трапезы за час до этого, как раз доедали свой завтрак: это был халим – сладкая каша с кусочками говядины; Ализе с восторгом наблюдала за ними.

Ей, как служанке на испытательном сроке, присоединиться к ним пока не разрешалось – да и интереса к их трапезе, от одного описания которой у нее сводило живот, она не имела, – однако с удовольствием прислушивалась к веселой болтовне, отмечая то, как непринужденно слуги разговаривают друг с другом. Они беседовали словно друзья. Или семья.

Это было в новинку для Ализе. В детстве ее жизнь целиком заполняли родители, которые решили, что существование Ализе должно оставаться в тайне для мира, пока она не будет к нему готова. Из своих сверстников девушка помнила только одного маленького мальчика, мать которого была близкой подругой ее родителей и с которым Ализе иногда разрешали поиграть. Теперь она не помнила его имени; в памяти осталось только то, что карманы его всегда были полны лесных орехов, которыми он учил Ализе играть в валеты.

В ее жизнь были допущены всего несколько надежных душ – в основном мастера и наставники, с которыми Ализе проводила большую часть времени. Про общество глины она знала ничтожно мало и теперь была очарована многими их обычаями. На прежних местах работы Ализе наказывали за то, что она могла слишком долго задержаться в столовой в надежде, например, увидеть, как какой-нибудь господин ест яйцо или намазывает тост кусочком масла. Ее бесконечно восхищали вилки и ложки, и это утро не было исключением.

– Чем, по-твоему, ты здесь занимаешься? – рявкнула на нее госпожа Амина, перепугав Ализе почти до смерти. Экономка поймала ее за шиворот и вытолкнула в соседний зал. – Ты забываешься, девчонка. Ты не ешь с остальной прислугой.

– Я... я просто ждала, – произнесла Ализе, вздрагивая и осторожно поправляя воротничок на шее.

Порез на горле все еще саднил, но девушке не хотелось привлекать к себе внимание перевязкой. Она почувствовала, как рана снова закровила, и сжала кулаки, чтобы не дотронуться до выступившей влаги.

– Простите меня, госпожа. Я не хотела показаться непокорной. Я только ждала ваших указаний.

Ализе даже не успела понять, что госпожа Амина отвесила ей пощечину, пока не ощутила резкую боль, а перед глазами не расцвела яркая вспышка света – настолько быстро все произошло. Она запоздало вздрогнула и отшатнулась.

В ушах стоял звон, руки вцепились в каменную стену в поисках опоры. Сегодня Ализе допустила слишком много ошибок.

– Что я говорила тебе о твоём языке?! – воскликнула госпожа Амина. – Если ты хочешь здесь работать, выучи свое место. – В голосе ее слышалось отвращение. – Я велела тебе избе-

виться от этого нелепого акцента. «Непокорной», – повторила она с насмешкой. – Где ты вообще научилась так выражаться...

Госпожа Амина оборвала себя на полуслове, глаза ее потемнели от подозрения, и Ализе ощутила опасную перемену в настроении экономки.

– Где ты научилась так говорить? – тихо повторила госпожа Амина. – Знание грамоты – это одно, но ты кажешься слишком заносчивой для простой служанки.

– Вовсе нет, госпожа, – опустила глаза Ализа. Во рту стоял привкус крови. Лицо начинало гореть; девушка поборола желание коснуться щеки, на которой, без сомнения, уже расцвел пурпурный синяк. – Я прошу прощения.

– Тогда кто научил тебя читать? – наседала экономка. – У кого ты научилась этой заносчивости?

– Простите меня, госпожа. – Ализа задрожала и постаралась говорить медленнее. – Я не хотела показаться заносчивой, госпожа, просто я не умею говорить по-другому...

Экономка подняла голову, бросая взгляд на часы, и вся воинственность из ее глаз исчезла. Они потратили уже столько драгоценных минут на этот разговор, что не могли позволить себе потерять ни мгновения больше.

И все же госпожа Амина подалась вперед.

– Еще раз заговоришь со мной, как зазнайка, не только получишь оплеуху, девчонка, но и окажешься на улице.

Ализе внезапно стало дурно.

Она все еще чувствовала, как щека прижимается к шершавому камню холодного, кишящего паразитами переулка, когда закрывала глаза; все еще слышала звуки канализации, что убаюкивали ее несколько кратких минут – самый долгий промежуток времени, на который она осмеливалась прикрыть глаза на улице. Порой Ализа думала, что скорее бросится под карету, чем вернется в эту темноту.

– Да, госпожа, – тихо ответила она с учащенным пульсом. – Простите меня, госпожа. Этого больше не повторится.

– Довольно твоих напыщенных извинений, – огрызнулась экономка. – Ее светлость сегодня в ужасном расположении духа и желает, чтобы каждая комната была вымыта и начищена так, будто сам король едет к нам с визитом.

Ализа осмелилась поднять глаза.

В поместье Баз Хаус было семь этажей и сто шестнадцать покоев, и больше всего на свете ей хотелось задать вопрос: зачем? Для чего мыть каждую комнату в доме? Но она попридержала язык, тихо вздохнув про себя. Она знала, что если вымоет все сто шестнадцать комнат за день, ее тело рассыплется на мелкие ленточки.

– Да, госпожа, – прошептала она.

И все же экономка медлила.

Она не была таким уж чудовищем и осознавала, что это невозможное требование.

– Остальные, разумеется, будут помогать, но у них есть и свои обязанности, ты понимаешь это? – немного смягчился тон госпожи Амины. – Основная часть работы остается на тебе.

– Да, госпожа.

– Справишься, девочка, и я подумаю о том, чтобы взять тебя на постоянную работу. Но я ничего не обещаю, – госпожа Амина подняла палец, после чего наставила его на Ализу, – если ты не научишься держать рот на замке.

Девушка сделала резкий вдох. И кивнула.

7

Едва зайдя в вестибюль, ведущий в покои его деда, Камран уловил движение. Вдоль стен брезжил неестественно преломленный свет, в воздухе витал запах благовоний. Принц замедлил шаг, ибо знал, что перед такой легкой добычей хищник не сможет устоять.

Сейчас.

В поле зрения взметнулись юбки.

Камран мгновенно перехватил руку нападавшей, чьи пальцы сжимались на рукоятке рубинового кинжала, с наслаждением приставленного к его горлу.

– Я устал от этой игры, матушка.

Она вывернулась из его рук и рассмеялась, ее темные глаза засверкали.

– О, дорогой, а я никогда не устану.

Камран безучастно взглянул на мать: она была так усыпана драгоценностями, что сверкала, даже стоя на месте.

– Ты находишь удовольствие в том, – сказал принц, – чтобы играть в убийство собственного дитя?

Мать снова рассмеялась и закружилась вокруг него, мерцающая бархатными юбками. Ее королевское высочество Фирузе, принцесса Ардунии, обладала поистине неземной красотой – впрочем, это не было таким уж необычным достижением для принцессы. От всякой королевской особы, претендующей на престол, ожидали великолепия, и ни для кого не было тайной, что Фирузе сильно обидела безвременная смерть супруга, семь лет назад сложившего голову в бессмысленном сражении и навсегда оставившего ее принцессой, а не королевой.

– Мне невыносимо скучно, – призналась она. – А поскольку мое дитя уделяет мне так мало внимания, я вынуждена проявлять изобретательность.

Камрану, только что принявшему ванну, в отглаженных и надушенных одеждах, отчаянно хотелось вновь облачиться в военную форму – он всегда недолюбливал повседневный наряд за непрактичность и несерьезность. В этот самый момент принц сопротивлялся желанию почесать шею, где жесткий воротничок туники царапал горло.

– Без сомнения, есть бесчисленное множество других способов привлечь мое внимание, – ответил он матери.

– Утомительных способов, – бросила она. – Кроме того, мне не пристало возбуждать твой интерес. Я достаточно потрудились, выращая тебя в своем теле. Мне полагается, по крайней мере, толика твоей преданности.

Камран склонился в поклоне.

– В самом деле.

– Ты относишься ко мне снисходительно.

– Ни в коем случае.

Фирузе шлепнула его руку, потянувшуюся к шее.

– Прекрати чесаться, словно пес, любовь моя.

Принц сдержался.

Неважно, сколько мужчин он убил, его мать всегда будет относиться к нему как ребенку.

– Ты винишь меня в том, что мне неудобно, когда воротник этого нелепого одеяния стремится меня обезглавить? Неужели во всей империи не нашлось человека, способного сшить два куска ткани в нормальную одежду?

Фирузе проигнорировала его слова.

– Опасное это дело – удерживать умную женщину от выполнения одной-единственной практической задачи, – сказала она, просовывая руку под локоть сына, тем самым вынуждая его пойти с ней к главным покоям короля. – Я не виновата в своих приступах изобретательности.

Принц остановился, удивленный, и повернулся к матери.

– Хочешь сказать, что у тебя есть желание заниматься чем-либо?

Фирузе скорчила гримасу.

– Не будь нарочито глупым. Ты знаешь, что я имею в виду.

Когда-то Камран считал, что во всем мире нет женщины, равной его матери – ни по красоте, ни по элегантности, ни по уму. Тогда он не знал, насколько важно обладать еще и сердцем.

– Нет, – возразил он. – Боюсь, я не имею ни малейшего представления.

Фирузе театрально вздохнула и отстранилась от сына, поскольку в этот самый миг они вошли в приемную короля. То, что его мать присоединится к ним на этой встрече, Камран не знал. Он решил, что она просто захотела еще раз полюбоваться королевскими покоем – ее самым любимым местом во дворце, куда редко кого приглашали.

Палаты деда были полностью отделаны зеркалами; казалось, что количество этих крохотных отражающих плиток просто неисчислимо. Каждый сантиметр внутреннего убранства, сверху донизу, блестел узорами, напоминающими звезды, вплетенными в ряд более крупных геометрических форм. Высоко над головой миражом бесконечности, который, казалось, достигал небес, мерцали парящие куполообразные потолки. Два огромных окна приемной были широко распахнуты навстречу солнцу: в зал, освещая созвездие за созвездием, рассыпающихся сиянием, проникали яркие лучи света. Даже пол здесь был выложен зеркальной плиткой, которую надежно прикрывали роскошные, искусно сотканые ковры.

Эффект создавался совершенно неземной; находиться в этих покоях для Камрана было равносильно тому, чтобы стоять прямоком во чреве звезды. И хотя залы сами по себе выглядели великолепно, тот эффект, который они производили на входящих сюда людей, пожалуй, даже превосходил их собственное величие. Едва вступив в приемную, посетитель сразу же ощущал себя возвышенным, вознесенным к небесам. Даже Камран не мог не поддаться этому воздействию.

Его мать же, напротив, впала в печаль.

– О, мой дорогой, – произнесла она, кружась по залу и прижимая руки к груди. – Когда-нибудь все это должно было стать моим.

Камран проследил, как она заглядывает в ближайшую стену, любуясь собой – шевеля пальцами и заставляя драгоценности на ней сверкать и танцевать. Принц всегда чувствовал себя немного потерянным, попадая сюда. Да, королевские покои вызвали чувство величия, но за этим чувством всегда следовало ощущение собственного несовершенства. Камран никогда не казался себе настолько ничтожным, как в окружении подлинной силы, и никогда не испытывал это более явно, чем когда приближался к своему деду.

Принц осмотрелся вокруг в поисках короля.

Он заглянул в щель одной из смежных дверей – той, что вела в опочивальню деда, – и уже взвешивал всю дерзость попытки проникновения в его спальню, когда Фирузе дернула его за руку.

Он оглянулся.

– Жизнь так несправедлива, не правда ли? – вздохнула она с сияющими глазами. – Неужто наши мечты так легко разрушить?

Челюсть Камрана напряглась.

– В самом деле, матушка. Смерть отца стала большой трагедией.

Фирузе издала нечленораздельный звук.

Принцу часто казалось, что он не сможет покинуть дворец быстро, если решит это сделать. Он не противился тому, что унаследует трон, но и не питал по этому поводу восторга. Нет, Камран слишком хорошо знал, что сопутствует власти.

Он никогда не хотел стать королем.

В детстве люди говорили о его положении так, словно принц был благословлен, раз ему посчастливилось оказаться в очереди за титулом, получение которого означало смерть двух самых дорогих ему людей. Это всегда тревожило Камрана, и еще более тягостным показалось в тот день, когда голову его отца вернули домой без тела.

Камрану было одиннадцать лет.

От него уже тогда ожидали стойкости; спустя всего несколько дней принца заставили присутствовать на церемонии объявления его прямым наследником престола. Он был ребенком, которому пришлось стоять рядом с изуродованными останками отца и не выказывать ни боли, ни страха – лишь гнев. В тот день дед подарил Камрану его первый меч и в тот день его жизнь изменилась навсегда. Это был день, когда еще не сформировавшегося мальчика заставили стать мужчиной в одночасье.

Камран закрыл глаза и ощутил прикосновение холодного лезвия к своей щеке.

– Потерял голову, дорогой?

Он взглянул на мать, раздосадованный не только на нее, но и на себя. Принц и сам не знал причины одолевавшего его беспокойства, не находил объяснения своим сумбурным мыслям. Он лишь осознавал, что каждый день все сильнее ощущает страх, а такая рассеянность только усугубляла ситуацию, ведь потерянные в мыслях мгновения могли стоить ему жизни. Его мать доказала это только что.

Казалось, она читает его мысли.

– Не волнуйся. Это просто мое украшение. В основном. – Фирузе отступила назад, постукивая кончиком идеально закругленного ногтя по сверкающему рубиновому лезвию. Потом спрятала оружие в свои одежды. – Но сегодня я очень на тебя зла, и нам нужно поговорить об этом поскорее.

– Почему?

– Потому что твой дед вызвал тебя, а я желаю говорить первая.

– Нет, матушка, я спрашивал, почему ты сердишься.

– Ну разумеется, мы должны обсудить ту служанку, которую ты...

– Вот ты где, – раздался позади них голос, и Камран, обернувшись, увидел короля, облаченного в яркие оттенки зеленого.

Фирузе склонилась в глубоком реверансе, Камран отвесил поклон.

– Подойди, подойди, – король жестом поманил его к себе. – Дай мне взглянуть на тебя.

Камран выпрямился и сделал шаг вперед.

Король взял руки принца в свои и не отпускал, пока его теплые глаза взирали на внука с нескрываемым любопытством. Камран отлично понимал, что его ждет за сегодняшний поступок, но не сомневался, что с достоинством вынесет любое наказание. На свете не было чело-

века, которого принц уважал бы больше, чем своего деда, поэтому исполнение любых его желаний было для Камрана честью.

Король Заал был легендой во плоти.

Дед принца – отец его отца – преодолел все испытания, посланные ему. Когда Заал только появился на свет, его мать решила, что родила старика, потому как волосы и ресницы дитя были белыми, а кожа – такой бледной, что почти просвечивала. Невзирая на протесты прорицателей, ребенка объявили проклятым, его отец в ужасе отрекся от него. Несчастный король вырвал новорожденного из рук матери и отнес на вершину самой высокой горы, где оставил умирать.

Заала спасла величественная птица, что заметила плачущего младенца, унесла его к себе в гнездо и вырастила как собственного птенца. Возвращение короля на свое законное место стало одной из величайших историй того времени, а его долгое правление Ардунией было справедливым и милосердным. К тому же, Заал стал единственным правителем империи, сумевшим положить конец вражде между джиннами и глиной; именно по его приказу было заключено Огненное Соглашение, споры о котором до сих пор не утихали. Ардуния стала одной из немногих империй, где люди жили с джиннами в мире, и только за это, Камран знал, его дед не будет забыт.

Наконец король отстранился от внука.

– Твои решения сегодня были весьма любопытны, – произнес Заал, усаживаясь на зеркальный трон – единственный предмет мебели в комнате. Камран и его мать опустили на подушки, лежащие на полу перед ним. – Не находишь?

Камран ответил не сразу.

– Думаю, мы все согласны, что поведение принца было поспешным и неподобающим, – вмешалась мать. – Он должен исправиться.

– В самом деле? – Заал обратил карие глаза на невестку. – Какое же наказание ты посоветуешь, моя дорогая?

Фирузе замешкалась.

– Сейчас я не могу ничего предложить, Ваше Величество, но уверена, что мы что-нибудь придумаем.

Заал сложил руки под подбородком, прямо возле небольшой аккуратно подстриженной бороды, и обратился к Камрану.

– Ты не отрицаешь и не оправдываешь свое поведение?

– Ни в коем случае.

– И все же я вижу, что ты не раскаиваешься.

– Не раскаиваюсь.

Заал обратил на внука всю тяжесть своего взгляда.

– Ты, несомненно, объяснишь мне, почему?

– При всем уважении, Ваше Величество, я не считаю, что принцу не подобает заботиться о благополучии своего народа.

Король рассмеялся.

– Нет, смею заметить, что это не так. Неподобающе лишь непостоянство характера и нежелание говорить правду тем, кто знает тебя лучше остальных.

Камран напрягся, по его шее пробежал жар. Он мог распознать упрек, когда слышал его, и все же не был застрахован от последствий предостережения деда.

– Ваше Величество...

– Ты уже достаточно долго бродишь среди своего народа, Камран. Ты наблюдал всевозможные людские страдания. Я бы охотнее принял твой идеализм как объяснение твоей широкой философской позиции, но мы оба знаем, что прежде ты никогда не проявлял особого интереса к проблемам бездомных детей или слуг. В этой истории есть что-то еще, кроме внезапного

проявления твоего добросердечия. – Последовала пауза. – Ты отрицаешь, что поступил несвойственно своему характеру? Что подверг себя опасности?

– Я не стану отрицать первое. Что же до второго...

– Ты был один. Безоружен. Ты – наследник империи, что охватывает треть известного нам мира. Ты просил помощи у прохожих, доверился милости незнакомцев...

– У меня были мои мечи.

Заал улыбнулся.

– Ты упорно продолжаешь оскорблять меня своими необдуманными протестами.

– Я не хотел проявить неуважение...

– И все же ты понимаешь, что меч не делает человека непобедимым, не так ли? Что на него могут напасть сверху? Что он может быть убит стрелой, задавлен числом или побежден мастерством? Что его могут ударить по голове и похитить ради выкупа?

Камран склонил голову.

– Да, Ваше Величество.

– Значит, ты признаешь, что действовал несвойственно своему характеру и подверг себя опасности?

– Да, Ваше Величество.

– Очень хорошо. Я лишь прошу твоих объяснений.

Камран сделал глубокий вдох. Он подумывал о том, чтобы изложить королю то же, что и Хазану: та девушка показалась ему подозрительной, не заслуживающей доверия. Но министр над тревожными догадками принца лишь посмеялся. Как Камран мог воплотить в слова ту уверенность, что нашептывала ему интуиция? Чем больше принц размышлял над этим, тем стремительней его доводы рассыпались словно песок под испепеляющим взглядом деда.

– У меня нет объяснений, Ваше Величество.

Король задумался, улыбка из его глаз испарилась.

– Ты уверен?

– Я молю вас простить меня.

– А как же девушка? Я не стану осуждать тебя слишком строго, если ты признаешься в некоторой душевной слабости. Возможно, ты скажешь, что она была пленительно красива, и ты низменно возжелал ее.

– Это не так. – Челюсть принца закаменела. – Ни в коем случае. Я бы точно так не поступил.

– Камран.

– Дед, я даже не видел ее лица. Ты не можешь ожидать от меня подобной лжи.

Король впервые заметно забеспокоился.

– Дитя мое, неужели ты не понимаешь, насколько шатко твое положение? Сколько людей возрадуются любому предлогу, чтобы усомниться в твоих способностях? Те, кто жаждет получить твое место, будут искать любую причину счесть тебя недостойным трона. Больше всего меня огорчает то, что твои действия породило не безрассудство, а легкомыслие. Возможно, глупость – твой наихудший проступок.

Камран вздрогнул.

Конечно, он глубоко уважал деда, но не меньше уважал и себя, и гордость не позволила принцу терпеть натиск оскорблений без протеста. Он поднял голову и, глядя королю прямо в глаза, резко заявил:

– Я полагал, что девушка может оказаться шпионкой.

Король заметно выпрямился, на лице его не отразилось ни намек на напряжение, однако руки сжали подлокотники трона. Заал хранил молчание так долго, что Камран испугался, что совершил ужасную ошибку.

– Ты принял девушку за шпионку? – наконец спросил король.

– Да.

– Вот единственная правда, которую ты сказал.

Это обезоружило Камрана, и он в недоумении уставился на короля.

– Теперь мне понятны твои мотивы, – произнес Заал, – однако мне еще предстоит постигнуть твой недостаток ума. Ты посчитал разумным преследовать эту девушку на глазах у всех? Говоришь, счел ее шпионкой, а что тогда насчет мальчика? Его ты признал святым? Раз понес через всю площадь, позволяя ему заливать твоё тело кровью?

Принц во второй раз ощутил, как его обжигает невидимый жар. Он снова опустил глаза.

– Нет, Ваше Величество. Здесь я повел себя необдуманно.

– Камран, ты станешь королем, – неожиданно гневно изрек его дед. – У тебя нет права вести себя необдуманно. Народ может судачить о своем правителе сколько угодно, но здравость его рассудка никогда не должна быть предметом сплетен.

Камран по-прежнему не поднимал глаз от замысловатых повторяющихся узоров на коврах под ногами.

– Стоит ли нам беспокоиться о том, что кто-то засомневается в моем здравомыслии? Уверен, что сейчас нет необходимости переживать о таких вещах. Ты крепок и здоров, дед. Ты будешь править Ардунией еще очень долго...

Заал громко рассмеялся, и Камран поднял голову.

– О, твоя искренность трогает меня. Воистину. Но мое пребывание здесь подходит к концу, – произнес он, взглядом отыскивая окно. – Я уже давно это ощущаю.

– Дед...

Король Заал поднял руку.

– Я не намерен отвлекаться от темы нашего разговора. Я также не стану оскорблять твой ум, напоминая тебе, как сильно каждое твоё действие влияет на империю. Одного известия о твоём возвращении домой было бы достаточно, чтобы всколыхнуть шум и волнения в народе, но то, как ты поступил сегодня...

– Воистину, – вмешалась Фирузе, напоминая о себе. – Камран, тебе следует устыдиться. Ты ведешь себя словно простолюдин.

– Устыдиться? – Заал удивленно взглянул на невестку. Он обратился к Камрану. – Так вот для чего, ты думаешь, я тебя позвал?

Камран замешкался.

– Да, я ожидал, что вы рассердитесь на меня, Ваше Величество. Мне также сообщили, что вы, возможно, будете ожидать, что я дам прием, поскольку так неосторожно объявил о своём возвращении.

Заал вздохнул, его белые брови сошлись вместе.

– Полагаю, Хазан сказал тебе об этом? – Король нахмурился еще сильнее. – Прием. Да, прием. Хотя это не самое главное.

Камран насторожился.

– Ваше Величество?

– О, дитя мое, – Заал потряс головой. – Только сейчас я вижу, насколько ты не понимаешь того, что натворил.

Фирузе перевела взгляд с сына на короля и обратно.

– Что он натворил?

– Не только твоё вмешательство послужило причиной сегодняшним пересудам, – мягко произнес Заал, снова переведя взгляд на открытое окно. – Если бы ты оставил того мальчика умирать в собственной крови, на это бы мало кто обратил внимание. Такие вещи иногда случаются. Ты мог бы спокойно призвать магистрат, и мальчика бы увезли. Вместо этого он оказался у тебя на руках. Ты позволил крови беспризорного сиротки коснуться твоей кожи, запятнать твою одежду. Ты проявил заботу и сострадание к низшему сословию.

– И теперь я должен быть наказан, Ваше Величество? Меня убьют за проявление милосердия? – спросил Камран, чувствуя, как в нем поднимается тревожное беспокойство. – Я полагал, что принц должен служить своему народу.

Король почти улыбнулся.

– Неужели ты намеренно пытаешься понять меня неправильно? Твоя жизнь слишком ценна, Камран. Ты, наследник самой большой империи на земле, безрассудно подверг себя опасности. Возможно, в народе твое сегодняшнее деяние не подвергнется сомнениям, однако оно заострит внимание знати; они зададутся вопросом, не выжил ли ты из ума.

– Не выжил ли из ума? – повторил принц, изо всех сил пытаясь сдержать гнев. – Не перебор ли это с их стороны? Никаких последствий не произошло... Я только и сделал, что помог умирающему мальчику...

– Ты всего лишь спровоцировал бунт. Твое имя скандируют на улицах.

Фирузе ахнула и бросилась к окну, словно хотела увидеть или услышать что-нибудь из-за неприступных дворцовых стен. Принц, которому было прекрасно известно, что толпу отсюда не увидеть, опустил обратно.

Он был ошеломлен.

Заал подался вперед в своем кресле.

– Я знаю, что в глубине сердца ты готов умереть за свою империю, дитя, но это совсем не та жертва. Кронпринц не должен рисковать собой на городской площади ради уличного воришки. Так не принято.

– Нет, – покорно признал принц. Он внезапно ощутил свинцовую тяжесть. – Полагаю, что нет.

– Теперь мы должны компенсировать твое безрассудство демонстрацией торжества, – напомнил король. – Такие мероприятия пойдут на пользу отношениям с благородными семьями Семи Домов, на чье политическое влияние мы сильно полагаемся. Ты дашь прием. Тебя увидят при дворе, ты выразишь свое почтение Семи Домам – в частности, Дому Пайр. И развеешь любые их опасения относительно твоего нрава. Я хочу, чтобы у них не возникло сомнений ни в здравости твоего рассудка, ни в твоей способности править. Это понятно?

– Да, Ваше Величество, – ответил удрученный Камран. Только сейчас он осознал всю тяжесть совершенной им ошибки. – Я выполню вашу волю и пробуду в Сетаре столько, сколько вы сочтете нужным, чтобы возместить нанесенный мной ущерб. После, если вы позволите, я хотел бы вернуться к своим войскам.

Заал мимолетно улыбнулся.

– Боюсь, тебе больше не стоит находиться вдали от дома.

Принц не стал делать вид, что не понял его.

– Вы вполне здоровы, – сказал он с большим пылом, чем намеревался. – Крепки и сильны. В здравом уме. Как вы можете знать подобные вещи?

– Когда ты достигнешь моего возраста, – мягко ответил Заал, – ты тоже обретишь уверенность в таких вещах. Я устал, Камран. Моя душа жаждет покинуть этот мир. Но я не могу отправиться в путь, не убедившись, что наша семья защищена – что наша империя в безопасности.

Принц, помедлив, поднял голову и заглянул в глаза деду.

– Ты должен знать, – Заал улыбнулся, – что я просил тебя вернуться домой не только для отдыха.

Поначалу смысл сказанных слов ускользнул от Камрана; когда же он понял – спустя несколько мгновений – сила этого понимания обрушилась на него подобно удару по голове.

– Я должен жениться, – едва выговорил он.

– Ардунии нужен наследник.

– Я – ваш наследник, Ваше Величество. Ваш слуга...

– Камран, мы на пороге войны.

Несмотря на то, что сердце колотилось, принц не дрогнул. Он уставился на деда с чувством, близким к неверию. Это был тот самый разговор, которого Камран так ждал и хотел обсудить с королем. Но даже сейчас Заал, казалось, не желал ничего обсуждать.

С этим Камран не мог смириться.

Его дед говорил о смерти, грозился бросить принца здесь одного, чтобы он вел войну, защищал их империю – и вместо того, чтобы подготовить наследника, он предлагал ему жениться? Нет, в это принц поверить не мог.

Усилием воли Камрану удалось сохранить уверенность в голосе.

– Если нам уготовано вступить в войну, Ваше Величество, может быть, вы поручите мне более практичную задачу? В такое время я мог бы делать нечто гораздо более важное, чем ухаживать за дочерью какого-нибудь вельможи.

Король пристально разглядывал Камрана, выражение его лица было безмятежным.

– Самый большой подарок, который ты мог бы сделать своей империи в мое отсутствие, – это уверенность. Стабильность. Война придет, а вместе с ней наступит и твоя обязанность исполнить свой долг, – он поднял руку, чтобы не дать Камрану заговорить, – которого, я знаю, ты не страшишься. Но если с тобой что-нибудь произойдет на поле боя, мы погрузимся в хаос. На трон начнут претендовать никчемные аристократы, которые в итоге его разорят. У нас в подчинении пятьсот тысяч воинов, десятки миллионов людей, убежденных, что мы позаботимся об их благополучии, обеспечим их безопасность, достанем необходимую воду для их посевов и прокормим их детей. – Заал подался вперед. – Ты должен защитить королевскую династию, дитя. Не только ради меня, но и ради твоего отца. Ради своего наследия. Это то, Камран, что ты должен сделать для своей империи.

Принц вдруг осознал, что выбора у него нет. Заал не спрашивал его мнения – он отдавал приказ.

И Камран поднялся на одно колено и склонил голову перед своим королем.

– Клянусь честью, я сделаю это, – тихо произнес он. – Я даю тебе свое слово.

8

Этот день был гораздо сложнее остальных: Ализэ грела воду до тех пор, пока пар не ошпаривал ее; окунала руки в мыльную, обжигающе-горячую жидкость столько раз, что кожа на костяшках слезла; пальцы покрылись волдырями и стали горячими на ощупь, а острые края щетки для полов так впивались в ладони, что стерли кожу до крови. Ализэ сжимала фартук в кулаке так часто, как только могла, но каждый отчаянный поиск носового платка заканчивался разочарованием.

У Ализэ было мало времени на размышления, которые преследовали ее в тот день, впрочем, как и желания думать о столь удручающих вещах. Между приходом дьявола, встречей с незнакомцем в капюшоне, жестокостью госпожи Худы и мальчиком, которого она оставила распластанным на снегу, у девушки хватало поводов для страхов.

Начищая очередную уборную, она решила, что, наверное, будет лучше не обращать внимания на все это. Лучше не думать – просто каждый день превозмогать боль и страх, пока ее не поглотит бесконечная тьма. Для восемнадцатилетней девушки это была очень мрачная мысль, но Ализэ все же задумалась: возможно, лишь в смерти она обретет долгожданную свободу, ведь она уже давно потеряла надежду найти в этом мире утешение.

И действительно, большую часть дня Ализэ было трудно поверить в то, кем она стала, как далеко отклонилась от планов, которые когда-то строила. Ей пришлось отказаться от представления тихой уютной жизни в воображаемом будущем, подобно тому, как ребенок отказывается от выдуманного друга. Когда надежды исчезли, с Ализэ остался только знакомый шепот дьявола, чей голос временами проникал ей под кожу, вытесняя из ее жизни свет.

Вот бы и он тоже исчез.

Часы пробили два, когда Ализэ в двенадцатый раз за этот день поставила пустые ведра на пол в кухне.

Она огляделась вокруг в поисках поварахи или госпожи Амины, прежде чем прокрасться в дальний угол комнаты, и, убедившись, что рядом никого нет, в двенадцатый раз за сегодня отпереть ключом тяжелую деревянную дверь.

До Ализэ сразу же донесся пьянящий запах розовой воды.

Фестиваль зимних роз был одной из немногих вещей, хорошо знакомых девушке в этом чужом городе, ведь сезон зимних роз праздновали по всей Ардунии. У Ализэ остались приятные воспоминания о том, как она собирала нежно-розовые цветы вместе с родителями, как соломенные корзины то и дело сталкивались на ходу, а головы кружило благоухание.

Она улыбнулась.

Ностальгия подтолкнула ноги переступить порог, а память подсказала движения. По переулку пронесся ветерок, рассыпая в воздухе лепестки роз, и Ализе глубоко втянула в легкие густой цветочный аромат, испытав редкий момент безоговорочной радости, когда ветер взъерошил ее волосы и подолы юбок. Солнце смутно пробивалось сквозь клубящиеся облака, раскрашивая этот момент рассеянным золотистым светом, от которого Ализе чудилось, будто она во сне. Она не могла побороть желание приблизиться к такой красоте.

По одной, она принялась собирать рассыпанные ветром розы со снега, аккуратно складывая увядшие цветы в кармашек фартука. Розы этого вида – Голе Мохаммади – были так душисты, что их аромат мог держаться месяцами. Мать Ализе, варившая варенье из их лепестков, всегда оставляла несколько бутонов, чтобы класть их между страницами книги, что девушке очень нравилось...

Внезапно ее сердце учащенно забилося.

В груди знакомо защемило, в кровоточащих ладонях застучал пульс. Руки безо всякого предупреждения задрожали, лепестки выпали из пальцев. Ализе охватило страстное желание убежать отсюда – сорвать с себя фартук и помчаться через весь город с пылающими легкими. Она отчаянно захотела вернуться домой, упасть к ногам родителей и пустить корни там, у основания их могил. Ностальгия нахлынула на Ализу с неистовой силой, пронеслась сквозь нее в один миг и оставила после себя странное оцепенение. Девушка ощутила смиряющее унижение – она вспомнила, что у нее нет ни дома, ни родителей, к которым она могла бы вернуться.

С момента их смерти прошло уже много лет, но Ализе все еще не смирилась с тем, что больше не увидит их лиц.

Она проглотила ком в горле.

Когда-то ее жизнь должна была стать источником силы для любимых людей; вместо этого Ализе не раз казалось, что ее рождение обрекло родителей на жестокую смерть, которая пришла за ними в один и тот же год – сначала унесла отца, а затем и мать.

Джиннов издавна зверски истребляли, это правда; их численность почти сошла на нет, и вместе с тем сгинула большая часть их наследия. Ничего не подозревающему глазу гибель родителей Ализе показалась бы подобной смерти бесчисленного количества других джиннов – случайной вспышкой ненависти или просто несчастным случаем.

И все же...

Девушку неотступно терзало подозрение, что смерть матери и отца была вовсе не случайной. Несмотря на их старательные попытки спрятать Ализу от мира, в серии подобных трагедий сгинули не только ее родители, но и все те, кто был как-либо связан с ней. Возможно, истинной целью убийц был кто-то другой...

Не была ли сама Ализа этой целью?

Эти догадки не давали девушке покоя, и прожорливые страхи с каждым днем все больше пожирали ее разум.

Со все еще колотящимся сердцем она вернулась в дом.

Ализе осматривала переулок за кухней уже двенадцать раз, но мальчик-фешт так и не появился, и она не могла понять почему. После завтрака девушка выудила из остатков еды несколько кусков тыквенного хлеба, которые тщательно завернула в вощеную бумагу и спрятала под расшатанной половицей в кладовке. Утром мальчик выглядел таким голодным, что Ализе не могла придумать объяснения его отсутствию, разве что...

Она добавила дров в печь и замерла в нерешительности. Возможно, она слишком серьезно ранила его во время их потасовки.

Иногда девушка не осознавала собственной силы.

Она проверила чайники, которые поставила кипятиться, затем взглянула на кухонные часы. До конца дня оставалось еще много времени, и она боялась, что ее руки не выдержат нагрузок. Придется чем-то пожертвовать.

Ализэ вздохнула.

Самостоятельно шившая всю свою одежду и тихо оплакивающая каждый испорченный ее клочок, она торопливо оторвала от подола фартука две полоски ткани и перевязала раны мозолистыми пальцами, как могла. Завтра придется выкроить время, чтобы навестить аптекаря. Теперь у Ализэ появились несколько монет, и она могла позволить себе купить мазь, а может быть, даже припарку.

Она надеялась, что ее руки заживут.

Стоило девушке перевязать раны, как острая боль в груди разжала тиски и потихоньку начала утихать. Ализэ сделала глубокий, бодрящий вдох, смутившись собственных мыслей – того, как мрачно они повернули при столь незначительных неприятностях. Ализэ не собиралась терять веру в этот мир; просто каждая боль, которую она испытывала, казалось, вытягивала из нее надежду.

И все же, думала Ализэ, наполняя ведра только что вскипевшей водой, ее родители желали бы для нее большего. Они бы хотели, чтобы она продолжила борьбу.

«Однажды, – говорил ее отец, – этот мир склонится перед тобой».

В этот момент в заднюю дверь резко постучали.

Ализэ выпрямилась так поспешно, что чуть не выронила чайник. Окинув взглядом непривычно пустую кухню – сегодня было так много работы, что слугам не разрешалось передохнуть, – девушка быстро извлекла из кладовки припрятанный сверток.

Осторожно открыла дверь и моргнула, а затем сделала шаг назад. Из дверного проема на нее взидала госпожа Сана, белобрысая экономка из поместья лоудженского посла.

Ошеломленная, Ализэ едва не забыла сделать реверанс.

Экономки, правящие своими собственными маленькими королевствами, прислугой не считались и снод не носили, а потому к ним относились с уважением, которому Ализэ еще только предстояло научиться. Девушка поспешно склонилась в реверансе, после чего выпрямилась.

– Добрый день, госпожа. Чем я могу вам помочь?

Госпожа Сана ничего не ответила и только протянула небольшой кошелек, который Ализэ взяла израненной рукой. Она сразу же ощутила вес лежавших в нем монет.

– Госпожа Худа осталась очень довольна платьем и хотела бы снова воспользоваться твоими услугами.

Ализэ словно превратилась в камень.

Она не смела ни заговорить, ни пошевелиться, боясь чем-нибудь все испортить. Она попробовала вспомнить, не заснула ли она, не снится ли ей сон.

Госпожа Сана постучала костяшками пальцев по дверному косяку.

– Ты оглохла, девчонка?

Ализэ сделала резкий вдох.

– Нет, госпожа, – выпалила она. – То есть – да, госпожа. Я... Это будет для меня честью!

Экономка фыркнула, что становилось уже привычным.

– Да. Не сомневаюсь. Помни об этом в следующий раз, когда станешь плохо отзываться о моей госпоже. Она хотела отправить свою горничную, но я настояла на том, чтобы передать это послание самой. Ты понимаешь, о чем я.

Ализэ опустила глаза.

– Да, госпожа.

– Госпоже Худе понадобится по меньшей мере четыре платья для предстоящих торжеств и одно – для бала.

У Ализэ закружилась голова. Она понятия не имела, о каких предстоящих торжествах говорит госпожа Сана, да ее это и не волновало.

– Госпожа Худа хочет пять платьев?

– Это проблема?

В ушах Ализэ раздался грохот, и она ощутила страшную растерянность. Она боялась, что может заплакать, и чувствовала, что не простит себя, если это случится.

– Нет, госпожа, – с трудом выговорила она. – Это вовсе не проблема.

– Отлично. Ты можешь прийти к нам завтра вечером в девять. – Повисла тяжелая тишина. – После того, как закончишь здесь.

– Спасибо, госпожа. Спасибо вам. Спасибо, что...

– Ровно в девять часов, ты поняла?

И госпожа Сана ушла, захлопнув за собой дверь.

Ализэ больше не могла сдерживать себя. Она сползла на пол и разрыдалась.

9

В млечном свете луны силуэты прохожих сливались в одну тягучую шумную массу; кругом раздавались восторженные крики, из-за деревьев рвался смех, свет фонарей мерцал, когда люди спотыкались на улицах. Ночь являла собой чистое безумие.

Ализэ подавила дрожь.

Ее всегда тревожила темнота, потому что она пробуждала в девушке необъяснимый страх слепоты. Когда-то предки Ализэ были обречены на существование без тепла и света – она знала об этом, но то, что она все еще носила в себе этот страх, удивляло ее. Девушке казалось странным вечно бояться темноты, ведь именно она давала ей свободу. Только по ночам ярмо долга не тяготело над Ализэ.

Она вышла из Баз Хауса уже после того, как солнце скрылось за горизонтом, и хотя радостная новость о том, что госпожа Худа поручит ей еще больше заказов, очень бодрила, Ализэ снова тревожили ее руки. За этот изнурительный день на и без того разодранных ладонях появились новые раны, а перевязки отсырели и отяжелели от крови. Ализэ, которой предстояло сшить еще пять платьев в дополнение к ее привычным обязанностям, руки были нужны как никогда – а это означало, что поход к аптекарю не мог ждать до завтра.

На ноющих ногах девушка пробиралась сквозь вечерний снегопад, прижимая руки к груди и уткнувшись подбородком в воротник. Мокрые волосы покрылись инеем, непокорные пряди развевались на ветру.

Ализэ уже успела посетить местный хамам, где смыла с тела накопившуюся за день грязь. Она всегда чувствовала себя лучше, когда была чистой, и хотя подобные походы утомляли, это того стоило. К тому же ночной воздух бодрил, а холодный ветер, обдававший непокрытую голову, помогал сосредоточиться. Острота ума была просто необходима, когда Ализэ выходила на улицы по ночам, ведь она прекрасно понимала, какие опасности таят в себе отчаянные незнакомцы в темноте. Девушка осторожно ступала по камню, стараясь не шуметь и держаться поближе к свету.

Тем не менее, игнорировать суматоху вокруг не получалось.

Люди что-то скандировали, кто-то пел, кто-то кричал – и все были слишком пьяны, чтобы их слова можно было разобрать. Здесь плясали целые толпы, и все пытались удержать на возвышении то, что оказалось чучелом – соломенной фигурой с нахлобученной на ней железной короной. Посреди дороги сидели группы людей, спокойно курившие кальяны и пившие чай, хотя вокруг тряслись кареты и ревели лошади, а из плюшевых салонов экипажей, крича и размахивая кнутами, то и дело появлялись дворяне.

Ализэ прошла через облако абрикосового дыма, отпихнула от себя вечернего торговца и протиснулась сквозь узкую щель в группке людей, весело смеявшихся над историей о ребенке, который поймал змею руками и в восторге снова и снова окунал ее голову в миску с йогуртом.

Ализэ втайне улыбнулась.

Некоторые люди, заметила она, несли таблички – одни держали их высоко, другие тащили за собой, словно собаку на поводке. Она попыталась разобрать начертанные слова, но в тусклом мерцающем свете ничего нельзя было разобрать. Одно Ализэ могла сказать наверняка: это веселье и безумие было несвойственно даже для столицы, и на мгновение любопытство девушки попыталось взять верх над здравым смыслом.

Но она подавила его.

Незнакомцы пихали ее локтями, некоторые хватали за сноду, смеялись в лицо, наступали на юбки. То, что слуг презирают больше остальных, Ализэ усвоила уже давно. Другие работницы охотно снимали сноды в общественных местах, опасаясь привлечь нежелательное внимание, однако Ализэ так рисковать не могла; она была уверена, что за ней охотятся, но не знала, кто именно, и потому не ослабляла бдительность.

Ее лицо, к сожалению, запоминалось очень легко – оно было редким исключением; обычно различить джинна и глину на вид было трудно, поскольку джинны еще тысячи лет назад вернули себе не только зрение, но и меланин в коже и волосах. У Ализэ, как и у многих в Ардунии, были блестящие угольно-черные локоны и оливковый цвет лица. Но ее глаза...

Она не знала, какого цвета были ее глаза.

Иногда они приобретали привычный коричневый оттенок жженой умбры, который наверняка и был естественным цветом радужки, но чаще становились пронзительного льди-сто-голубого оттенка, такого светлого, что его едва можно было назвать цветом. Неудивительно, что Ализэ постоянно жила с ощущением вечного холода, который чувствовала даже в своих глазницах. И в самый разгар лета по ее прозрачным венам струился лед, сковывая Ализэ так, что ее муки могли бы понять только далекие предки, от коих она и унаследовала эту особенность, над которой не имела контроля и причину которой не могла постичь. Из-за того, что глаза постоянно меняли цвет, мало кто мог выдержать взгляд девушки. Именно глаза привлекали внимание к ее лицу, делая его слишком заметным.

Ализэ ощутила влагу на губах и посмотрела вверх. Снова начался снегопад.

Она крепче прижала руки к груди и помчалась знакомой дорогой, низко наклонив голову против ветра. Постепенно Ализэ различила позади себя размеренные шаги и испытала приступ страха, который тут же прогнала, поймав себя на мысли, что в последнее время слишком легко впадает в панику. Впереди замаячил свет лавки аптекаря, и Ализэ поспешила к ней.

Когда она толкнула деревянную дверь, колокольчик звякнул, и девушку едва не вытолкнула обратно толпа, теснившаяся внутри. В аптеке оказалось на редкость многолюдно для этого часа, и Ализэ не могла не заметить, что привычный аромат шалфея и шафрана сменился мерзкими испарениями немых уборных и застарелой рвоты. Заняв место в очереди, Ализэ затаила дыхание, сопротивляясь желанию встряхнуть снег из туфель на ковер под ногами.

Посетители лавки осыпали друг друга непристойностями и толкались за место, держась за сломанные руки и разбитые носы. У некоторых из головы или рта капала красная кровь. Один мужчина дарил ребенку окровавленный зуб, который выдернул из своей головы, – сувенир от того, кто вздумал прокусить ему череп.

Ализэ с трудом могла поверить своим глазам.

Этим людям требовались бани и хирурги, а не аптекарь, но они были либо слишком глупы, либо слишком пьяны, чтобы это понять.

– Ну все, хватит, – раздался над толпой сердитый голос. – Все вы, убирайтесь! Вон из моей лавки, пока...

Раздался резкий звук бьющегося стекла, и флаконы посыпались на пол. Тот же роко-чуший голос продолжил выкрикивать ругательства, а толпа все больше и больше приходила в возбуждение, и когда аптекарь уже замахнулся тростью и пригрозил не только избить присутствующих, но и передать их магистрату с обвинением в непристойном поведении, у двери началась самая настоящая давка.

Ализэ вжалась в стену, да так удачно, что, когда толпа наконец рассеялась, аптекарь почти не заметил ее.

Почти.

– Убирайся, – рявкнул он, надвигаясь на нее. – Вон из моей лавки, прочь, ты, безбожница...

– Господин... Пожалуйста... – Ализэ отпрянула. – Я здесь только за мазью и бинтами. Я буду очень благодарна за вашу помощь.

Владелец лавки застыл, на лице его все еще сохранилось сердитое выражение. Это был узкоплечий мужчина, высокий и жилистый, с темно-коричневой кожей и грубыми черными волосами. Он почти обнюхал Ализэ. Его оценивающий взгляд изучил ее заплатанную, но чистую кофточку, опрятность волос. Наконец аптекарь сделал глубокий, успокоительный вдох и отошел.

– Хорошо, так что же ты возьмешь? – Он вернулся за прилавок и уставился на девушку большими чернильно-темными глазами. – Что болит?

Ализэ сжала кулаки, сунула их в карманы и попыталась улыбнуться. Ее рот был единственной незакрытой частью лица, и потому большинство людей обращали внимание именно на него. Однако аптекарь, похоже, был намерен смотреть ей в глаза – или туда, где, по его мнению, они находились.

На мгновение девушка растерялась.

Это правда, что с виду джиннов почти невозможно отличить от людей; именно поразительное сходство с глиной и делало джиннов большой угрозой – их было трудно заподозрить. Огненное Соглашение обещало безопасность для обеих сторон, однако под фасадом мира крылось неизменное напряжение; укоренившаяся ненависть людей к джиннам, к их воображаемой связи с дьяволом, о которой было нелегко забыть, никуда не пропала. Раскрытие незнакомцам своей личности всегда внушало Ализэ леденящий душу страх, ведь она не знала, как ониотреагируют. Чаще всего люди не скрывали своего презрения – и чаще всего у нее не хватало сил встретить его.

– У меня всего несколько царапин на руках, которые нужно обработать, и пара волдырей, – тихо произнесла она. – Если у вас найдутся свежие бинты и мазь, которую вы могли бы посоветовать мне, господин, я буду вам очень признательна.

Аптекарь издал звук, похожий на цоканье, побарабанил пальцами по прилавок и развернулся, чтобы изучить полки у себя за спиной; там, на длинных деревянных стеллажах, стояли закупоренные бутылочки с несметным количеством лекарств.

– А что с твоей шеей, барышня? Порез на ней кажется довольно серьезным.

Ализэ невольно коснулась пальцами раны.

– Я прошу... прошу прощения, господин?

– У тебя на горле рваная рана, о которой, я не сомневаюсь, ты знаешь. Должно быть, она болит, барышня. Рана, по всей вероятности, горячая на ощупь, и, – он присмотрелся, – да, похоже, есть небольшой отек. Нам следует предотвратить любую инфекцию.

Ализэ внезапно застыла от страха.

Мальчик-фешт поранил ее грязным лезвием. Она видела это своими глазами, рассматривала нож в собственной руке; почему же она не догадалась, что это может привести к последствиям? Конечно, весь день ей было плохо и больно, но она не подумала о горле, воспринимая все вместе как одну большую неприятность.

Ализэ зажмурила глаза и схватилась за стойку, пытаясь успокоиться. В эти дни она почти ничего не могла себе позволить, но меньше всего она могла позволить себе заболеть. Если она подхватит лихорадку – если она не сможет работать – ее выставят на улицу, где Ализэ, без сомнения, умрет в сточной канаве. Именно эта холодная реальность заставляла ее ежедневно выполнять работу, именно этого требовал инстинкт выживания.

– Барышня?

О, дьявол всегда знал, когда навестить ее.

10

Камран стоял в тени навеса закрытого магазина, капюшон его плаща развевался на ветру, прижимаясь к лицу, словно кожистые крылья летучей мыши. Снег сменился дождем, и принц слушал, как стучат капли по тенту над головой, наблюдал, как они осыпаются в белый слой, устлавший улицы. Тянулись долгие минуты, и снежные кучи у ног сначала усеялись мелкими отверстиями, а затем и вовсе растворились.

Камрану не следовало приходить.

После их встречи король отвел принца в сторону, чтобы задать дополнительные вопросы о подозреваемой им девушке-служанке, и Камран с радостью ответил на них, ощутив одобрение деда. На самом деле именно по приказу короля принц продолжил искать девушку: услышав более подробный рассказ об утренних событиях, Заал тоже забеспокоился. Он отправил внука в город, чтобы тот выполнил кое-какие поручения – в том числе нанес визит мальчику-фешту, – а затем понаблюдавал за улицами.

Естественно, Камран повиновался.

Поручение с четкой целью позволило ему отдохнуть от собственных мыслей, от груза всего того, что недавно поведал ему дед. Принц и сам думал взглянуть на народ; он хотел своими глазами увидеть, какой переполох вызвал его поступок.

В конце концов это привело вот к чему – к темноте. Нет, Камрану вообще не следовало приходить сюда.

Сначала он посетил беспризорника, которого разместили в квартале прорицателей на Королевской площади. Заал разъяснил Камрану, что если сейчас проигнорировать этого мальчика, то поступок принца покажется людям необдуманным и опрометчивым. А вот проявление заботы и сострадания к мальчику, наоборот, будут ждать, и поскольку Камран все равно собирался нанести визит прорицателям, приказ деда не показался ему слишком пустой тратой времени.

Но в итоге это вызвало его гнев.

Как оказалось, от гибели мальчика спасла лишь магия. Это открытие, которое должно было принести облегчение, стало для принца мрачным известием, ведь именно по его приказу действовали прорицатели, а магическая помощь редко – если вообще когда-либо – предлагалась кому-то, не входящему в императорскую семью.

Хотя Ардуния и была обширна, магия как субстанция встречалась исключительно редко. Этот нестабильный минерал добывался в горах с огромным риском и существовал лишь в небольших драгоценных количествах, отпускаемых только по королевскому указу. Просьба

Камрана о помощи была истолкована именно так; это стало еще одной причиной, по которой его утренний поступок оказался столь значимым и не будет так легко забыт.

Принц вздохнул, вспомнив об этом.

Хотя мальчик все еще был слаб, он все равно вздрогнул, когда Камран вошел в его комнату. Воришка изо всех сил вжался в кровать, пытаясь выбраться из-под руки своего неожиданного спасителя. Они оба знали это – знали, что сцена, в которую они оказались вовлечены, была фарсом; что Камран не герой; что между ними нет и не было никакой дружбы.

Более того, принц не испытывал к мальчику ничего, кроме злости.

Корона активно пыталась исказить историю уличного мальчишки, распространяя новые слухи; король Заал посчитал, что убедить аудиторию в спасении бродяжки принцем будет сложнее, и потому изменил историю, исключив из нее всякое упоминание о вреде, нанесенном девушке-служанке. Это тревожило Камрана гораздо больше, чем следовало бы, поскольку втайне он считал, что воришка не заслуживал ни усилий, затраченных на его спасение, ни заботы, которую он получал теперь.

Осторожно приблизившись к кровати мальчика, принц почувствовал, что одержал маленькую победу, когда в глазах ребенка вспыхнул страх. Это помогло Камрану заточить свое разочарование и послужило его визиту целью. Если принцу и пришлось оказаться в обществе этого отвратительного воришки, то он воспользуется случаем, чтобы получить ответы на свои многочисленные вопросы.

Клянусь ангелами, вопросы у него были.

– Аво, кемем динар шора, – мрачно произнес он. *Во-первых, я хочу знать, почему.* – Почему ты умолял меня не отдавать тебя в руки магистрата?

Мальчик покачал головой.

– Джев, – сказал Камран. *Отвечай мне.*

И снова мальчик покачал головой. Камран резко встал, сцепив руки за спиной.

– Мы с тобой оба знаем истинную причину твоего присутствия здесь, и я не скоро ее забуду. Я не спущу с тебе рук преступление только потому, что ты чуть не погиб. Ты убил бы молодую женщину только для того, чтобы украсть ее вещи...

– Нек, нек хеджан... – *Нет, нет, сир...*

– И готов был убить себя, чтобы не предстать перед судом – чтобы тебя не передали магистрату и ты не заплатил за свои порочные поступки. – Глаза Камрана вспыхнули от едва сдерживаемого гнева. – Скажи мне, почему?

Ребенок в третий раз покачал головой.

– Возможно, мне стоит передать тебя магистрату сейчас. Может быть, они добьются большего результата.

– Нет, сир, – ответил мальчик на своем родном языке, его карие глаза казались огромными на осунувшемся лице. – Вы так не поступите.

Глаза Камрана на мгновение расширились.

– Как ты смеешь...

– Все думают, что вы спасли мне жизнь, потому что вы сострадательны и добры. Если сейчас вы бросите меня в темницу, это будет выглядеть для вас не очень хорошо, так ведь?

Камран стиснул кулаки и разжал их.

– Я и правда спас тебе жизнь, неблагодарный негодяй.

– Хан. – *Да.* Ребенок почти улыбнулся, но глаза его были странно отрешенными. – Пет, шора? – *Но зачем?* – После этого меня снова отправят на улицу. К той жизни, что была раньше.

Камран ощутил непрошенный толчок в области груди – то ворочалась совесть.

– Я не понимаю, почему ты решил скорее убить себя, чем попасть в тюрьму, – принц не заметил, что в его голосе пропала резкость, когда он произнес это.

– Нет, не понимаете, сир. – Рыжеволосый не поднимал на него глаз. – Но я видел, что они делают с такими, как я. Быть переданным магистрату – хуже смерти.

Принц выпрямился, затем нахмурился.

– Что ты имеешь в виду? Как это может быть хуже смерти? Наши тюрьмы не такие ужасные. По крайней мере, там тебя будут кормить каждый день...

Мальчик так яростно затряс головой, что Камран испугался, как бы он не бросился бежать прочь из комнаты.

– Ладно, довольно, – неохотно произнес принц и вздохнул. – Теперь расскажи мне, что ты знаешь о девушке.

Мальчик замер, неожиданный вопрос застал его врасплох.

– Знаю о ней? Я не знаю ее, сир.

– Тогда как же ты сумел поговорить с ней? Ты говоришь на ардунианском?

– Совсем немного, сир.

– И все же ты говорил с ней.

– Да, сир. – Мальчик моргнул. – Она говорила по-фештунски.

Камран так удивился, что не смог вовремя скрыть выражение своего лица.

– Но в столице нет слуг, говорящих на фештунском.

– Прошу прощения, повелитель, но я не знал, что вы знаете каждого слугу в городе.

Камран ощутил такой сильный прилив гнева, что, казалось, он прорвет грудь. Чтобы ответить, принцу потребовалась вся его выдержка.

– Твоя наглость поразительна.

Мальчик ухмыльнулся, и Камран поборол желание задушить его. Этот рыжеволосый фешт обладал необыкновенным даром приводить Камрана в бурную ярость – гнев самого опасного сорта. Камран знал это, поскольку хорошо изучил собственные слабости, и сейчас из всех сил старался подавить столь неразумную реакцию. В конце концов, незачем было запугивать этого ребенка, он мог помочь выследить ту вероломную девицу.

– Прошу тебя, помоги мне понять, – резко сказал Камран. – По твоим словам, малообразованная служанка каким-то образом заговорила с тобой на фештунском? Ты говоришь, она дала тебе хлеб, который ты...

– Нет, сир. Я сказал, что она предложила мне хлеб.

Камран сжал челюсть. Мальчишка прерывал его уже во второй раз.

– Не вижу большой разницы, – бросил он. – «Дала» и «предложила» – это равноценные слова.

– Нет, сир. Она сказала, чтобы я пришел на кухню в Баз Хаус, если мне нужен хлеб.

И тут Камран испытал момент триумфа.

– Она солгала тебе, – заметил он. – Я знаю поместье Баз Хаус, и эта девушка там не работает. Если ты еще не понял – она вовсе не служанка.

Фешт покачал головой.

– Вы ошибаетесь, сир.

Дерзкий, непочтительный, бесстыжий мальчишка. Камрана больше не волновало, что этот ребенок едва не умер; он казался вполне здоровым сейчас, когда с наглостью уличной крысы разговаривал с членом королевской семьи без должного почтения. И все же Камран оказался странным образом скован с ним, вынужден быть добрым к этому наглецу.

Омид. Его звали Омид.

Он был сыном шафрановых фермеров на юге страны. Его родителей посадили в тюрьму за неуплату налогов со скудного урожая, и их официальное обращение – Камран потом ознакомился с отчетом – заключалось в том, что налоги взимались в фиксированной сумме, а не в процентах. Выплата фиксированной суммы, настаивали они, означала голодную смерть для

семьи, ведь урожай в тот сезон был очень мал. Они просили суд о снисхождении, но в тюрьме заболели лихорадкой и через несколько дней умерли, оставив Омида на произвол судьбы.

Ему было двенадцать. Всего двенадцать лет.

– Ты либо очень храбрый, либо очень глупый, – сказал ему принц, – чтобы так легко не соглашаться со мной.

– Но, сир, вы не видели ее рук, – настаивал Омид. – А я видел.

Камран лишь нахмурился.

Поспешив уйти от этого невыносимого ребенка, принц снова забыл отдать дань уважения почтенным жрецам и жрицам. На выходе его перехватила свита прорицателей, которые, ничего толком не говоря – как и всегда – вложили в его руки небольшой сверток. Принц поблагодарил их, но разум его, переполненный и разлаженный, велел спрятать этот безымянный дар, чтобы открыть его позже.

Сверток так и пролежал несколько дней во внутреннем кармане плаща Камрана забытым.

Неудовлетворенный разговором с Омидом, принц прямо из квартала прорицателей отправился в Баз Хаус, дом своей отдаленной родственницы. Он точно знал, где в нем находится кухня: принц провел большую часть своей юности в этом поместье, пробираясь после полуночи вниз, чтобы перекусить. Он хотел было войти в парадные двери и напрямую спросить тетю, не нанимала ли она подобную служанку, но вспомнил предупреждение деда о том, что теперь все его действия находятся под пристальным вниманием.

У Камрана было немало причин искать эту девушку – не последней из них оказалось подтверждение короля Заала, что Ардуния в самом деле обречена на войну, – но распространять слухи об этом среди мирного народа принц не считал разумным.

В любом случае, он умел ждать.

Камран мог часами стоять в одной позе, не уставая, и был обучен почти исчезать по желанию. Для него не составляло труда потратить час, ожидая в переулке, чтобы поймать преступницу и защитить свою империю, избавить свой народ от происков безликой девчонки...

Это была ложь.

Да, ее действия показались принцу подозрительными, и она вполне могла оказаться туланской шпионкой. Но существовала вероятность, что Камран ошибался насчет этой девушки, и его нежелание принимать этот факт беспокоило. Нет, истинная правда, которую принц понял только теперь, заключалась в том, что в его мотивах крылось нечто большее: что-то в этой девушке запало ему в душу.

И он не мог избавиться от этого. Она – предполагаемая бедная, ничтожная служанка – обладала милосердием, которого Камран не мог понять, состраданием, которое злило принца своей необъяснимостью. Если это шпионка Тулана, почему она помогла жителю Ардунии? Почему вызвала в принце чувство собственной недостойности?

Нет, нет, это не имело смысла.

Годы подготовки научили Камрана распознавать в противниках даже малейшие несоответствия; слабые места, которыми можно было воспользоваться для манипулирования. И свои сильные стороны Камран знал – его инстинкты нельзя было отрицать. Он разглядел противоречия в ней с того самого момента, как бросил на нее взгляд.

Без сомнения, девушка что-то скрывала.

Камран хотел разоблачить ее ложь – а он знал, что служанка лжет, – доказать, что она или шпионка, или легкомысленная светская девица, играющая в притворство.

И вместо этого он оказался здесь.

Принц стоял в темноте так долго, что толпы уже начали расходиться, а улицы были усеяны пьяными спящими телами, которые не смогли дотащить себя до дома. Камран позволил холоду сковать его до дрожи в костях и тогда ощутил, что внутри него зияет огромная пустота.

Он не хотел быть королем.

Не хотел, чтобы умер его дед, не хотел жениться на незнакомке, не хотел становиться отцом и не хотел возглавлять империю. В этом секрете принц редко признавался даже себе: он не хотел жить той жизнью, которая была ему уготована. Камрану трудно пришлось, когда умер отец, но принц не мог даже вообразить себе мир без деда. Камран не считал, что сумеет в одиночку возглавить империю, и не представлял, на кого сможет положиться вместо Заала. Иногда он не был уверен даже в Хазане.

Камран отвлекал себя гневом, позволяя разуму сосредоточиться на дерзком воришке и лживом лице служанки. Но на самом деле он злился на то, что его заставили вернуться домой против воли, и теперь принц пытался убежать от самого себя – от противоречивого бремени привилегий, от ответственности, возложенной на его плечи. В такие моменты Камран всегда утешал себя уверенностью, что он, по крайней мере, способный солдат и достойный лидер, но сегодняшний день даже это поставил под сомнение. Какой толк от лидера, который не может доверять даже собственным инстинктам?

Камрана превзошла эта служанка.

Она не только доказала, что принц ошибся по всем пунктам, но еще и заставила его чувствовать себя недостойным. Когда она наконец появилась в переулке за поместьем Баз Хаус, Камран сразу узнал ее – однако теперь он имел возможность рассмотреть ее повнимательнее. Он сразу же заметил глубокий порез на горле, а затем проследил взглядом изящные линии шеи, тонкий изгиб плеч. Во второй раз за этот день Камран обратил внимание на то, как она держится; насколько отличается от прочих слуг. Изящество сквозило даже в том, как она держала голову, как отводила плечи назад, как подставляла лицо свету.

Камран не понимал.

Если она была не шпионкой или светской дамой, то, возможно, это падшая дочь дворянина или даже внебрачный отпрыск такового; это могло бы объяснить ее элегантную осанку и знание фештунского языка. Но чтобы хорошо образованная дочь знатного человека пала так низко? Принц сильно сомневался в этом. Скандалы в высшем обществе были известны почти всем, и Камран несомненно знал бы, что такая особа поступила на службу к его тетушке.

С другой стороны, трудно быть в чем-то уверенным.

Принц тщетно пытался рассмотреть ее лицо; открыты были только губы. Он смотрел на них дольше, чем хотел бы это признать, по непонятным для себя причинам. Камран вдруг с ужасом понял, что эта девушка может быть красивой, – мысль была настолько неожиданной, что едва не заставила его отвлечься от цели. Когда служанка вдруг прикусила губу, он испуганно перевел дыхание.

Она выглядела встревоженной.

Принц наблюдал за тем, как она осматривает переулок, прижимая к груди маленький сверток, и вспомнил слова Омида о ее руках. Камран присмотрелся – и тут же испытал сильнейший удар по гордости и слабым отголоскам совести. Руки девушки были настолько изранены, что он мог увидеть это даже издалека. На ее кожу было больно смотреть. Покрасневшая. Покрытая волдырями. Огрубевшая.

Без сомнения, это были руки служанки.

Камран покачнулся на пятках, когда эта истина захлестнула его. Он был так убежден, что девушка лжет, с таким нетерпением ждал момента ее разоблачения, а вместо этого сделал открытие о самом себе.

Негодяем в этой истории был он – никак не она.

Девушка не только держала обещание, данное Омиду, но и подготовилась к его исполнению; все более очевидным становилось то, что в переулке она искала беспризорника.

Дважды за один день эта безликая девушка вызывала в Камране такой сильный стыд, что принц едва мог дышать. Она забралась в его грудь и сломала внутри что-то очень важное, даже

не ведая о его существовании. Неужели Камран был настолько слаб, что его вот так просто смогла разбить на части незнакомка? Неужели он был настолько недостойным?

Хуже того: как он объяснит этот позор деду? Камран с таким энтузиазмом нагнетал беспокойство короля своими ничем не подкрепленными подозрениями, но высокомерие принца доказало лишь его собственную глупость, неустойчивость его разума. Это еще больше встревожит короля. Принц за один день превратил себя в посмешище, и сейчас ему хотелось провалиться сквозь землю.

Именно эта мысль повторялась в его голове снова и снова, точно барабанный бой, в тот момент, когда Хазан наконец-то нашел его.

11

– Барышня?

Аптекарь снова прочистил горло, и Ализе вздрогнула. Когда она подняла глаза, то увидела, что владелец лавки смотрит на ее руки, и тут же отдернула их из виду.

– Я же вижу, что тебе больно, барышня. И, похоже, очень.

Помедлив, Ализе взглянула ему в глаза.

– Тебе не нужно меня бояться, – тихо произнес он. – Мне надо видеть повреждения, чтобы залечить их.

Девушка снова подумала о своей работе, о том, что ее безопасность зависит от того, как она завтра проснется и будет снова натирать полы и шить платья. Но если этот человек увидит ее прозрачную кровь и поймет, что она джинн, он может отказаться ее обслуживать; а если он выставит ее из своей лавки, Ализе придется идти в аптеку на другом конце города – это будет трудно и изнуряюще, и, вероятно, займет еще один день.

Ализе вздохнула. У нее не было выбора.

С мучительным усилием она размотала влажные самодельные повязки и положила голые руки на прилавок, ладонями вверх, чтобы аптекарь мог их осмотреть.

При виде этого зрелища у него перехватило дыхание.

Ализе попыталась взглянуть на свои раны его глазами: сырая, разодранная кожа, покрытые волдырями пальцы, кровь, которую большинство людей приняли бы за воду. Обычно бледная кожа ладоней теперь была ярко-красного цвета и пульсировала от боли. Девушке отчаянно хотелось обмотать их заново и сжать кулаки от нестерпимого жжения.

– Понятно, – сказал аптекарь, и Ализе поспешила отстраниться. Она напряглась в ожидании нападка, но мужчина не стал ни оскорблять ее, ни просить покинуть лавку.

Медленно девушка расслабилась.

На самом деле аптекарь больше ничего не сказал, пока собирал по всему магазину какие-то предметы, отмерял в рогожные мешочки травы, нарезал полоски льна для ран. Ализе чувствовала безмерную благодарность, стоя в своих туфельках в луже растаявшего снега вокруг ног. Она не видела глаз, наблюдавших за ней из окна, но вскоре ощутила их взгляд – испытала тревожный, специфический страх того, кто знает, что за ним следят, но никак не может это доказать.

Ализе проглотила ком в горле.

Когда аптекарь наконец вернулся за стойку, в руках его оказалась небольшая корзинка с лекарствами, которые он принялся измельчать и смешивать в густую пасту с помощью ступки и пестика. Затем он достал из-под прилавка кисть, похожую на малярную.

– Присаживайся, пожалуйста, – жестом указал он на один из высоких табуретов у стойки, – и внимательно запоминай, что я делаю, барышня. Тебе нужно будет повторять это дома.

Ализэ кивнула, с благодарностью опустил уставшее тело на мягкое сиденье. Она боялась, что уже больше никогда не сможет отсюда встать.

– Протяни руки.

Ализэ подчинилась. Она внимательно проследила за тем, как аптекарь одним мазком нанес на ее ладони ярко-синюю мазь, и успокаивающий эффект от нее оказался настолько мгновенным, что девушка едва не расплакалась от облегчения.

– Тебе нужно держать все в чистоте, – напутствовал он, – и менять повязки каждые два дня. Я покажу, как их правильно накладывать.

– Да, господин, – выдохнула Ализэ.

Она зажмурилась, пока аптекарь наматывал новые льняные полоски вокруг ее рук и между пальцами. Это было блаженство, не сравнимое ни с чем тем, что она испытывала в недавнем прошлом.

– Это неправильно, – тихо произнес мужчина.

– Бинты? – подняла голову Ализэ. – О, нет, господин, я думаю...

– Это, – ответил аптекарь, поднося ее руки ближе к свету лампы. Даже наполовину завернутые и покрытые мазью, они представляли собой весьма трагичную картину. – Ты трудишься слишком много, барышня. Это неправильно.

– О, – Ализэ снова опустила взгляд к стойке. – Это не страшно.

Она различила злость в голосе аптекаря.

– Это потому что ты та – кто ты есть. Из-за того, что ты можешь вынести. Человеческое тело не способно выдержать столько, и потому они пользуются тобой – потому что могут. Ты должна понимать это.

– Да, я понимаю, – с некоторым достоинством отозвалась Ализэ. – И я благодарна вам за работу, господин.

– Можешь звать меня Дин.

Он достал еще одну кисть и нанес другую мазь на порез на шее. Ализэ вздохнула, чувствуя действие лекарства, и прикрыла глаза, когда боль притупилась, а затем и вовсе исчезла.

Прошло мгновение, прежде чем Дин прочистил горло и заговорил снова.

– Мне кажется, я никогда не видел, чтобы слуги носили сноду по ночам.

Ализэ замерла, и аптекарь почувствовал это.

– Возможно, поэтому ты не знаешь об огромном синяке на твоей щеке, – тихо добавил он, не дождавшись ответа.

– О, – Ализэ подняла к лицу только что перевязанную руку. – Я...

Она и не заметила, что синяк расплылся за пределы сноды. Экономкам запрещалось бить слуг, но Ализэ еще никогда не встречала экономок, которые соблюдали бы это правило, и она понимала, что если сейчас обратит на это внимание, то лишится работы.

Потому она промолчала.

Дин вздохнул.

– Если ты снимешь сноду, барышня, то я могу осмотреть и его.

– Нет, – чересчур поспешно отозвалась девушка. – Я благодарю вас за заботу, но я в полном порядке.

Прошло немало времени, прежде чем Дин тихо согласился.

– Ну ладно. Но когда я закончу, я попрошу тебя вернуться через неделю, чтобы я мог проверить, не появились ли признаки выздоровления или инфекции.

– Да, господин. – Ализэ замешкалась. – Я имею в виду, Дин, господин.

Он улыбнулся.

– Но если у тебя начнется лихорадка, немедленно посылай за хирургом.

На это Ализе лишь кивнула. Даже с деньгами, вырученными за пять платьев, она не смогла бы позволить себе хирурга, однако смысла говорить об этом не видела.

Дин наматывал узкую бинтовую повязку на ее шею – как раз то, чего Ализе пыталась избежать, – когда он предпринял последнюю попытку разговорить ее.

– Это очень любопытная рана, барышня, – сказал он. – Еще более любопытная из-за всех тех противоречивых историй, которые рассказывали сегодня в городе.

Ализе сжалась.

Конечно, она знала, что не сделала ничего плохого, но ведь она поселилась в этом городе только потому, что ей пришлось спастись от собственной казни. Ализе редко, если вообще когда-либо, прекращала волноваться.

– Каких противоречивых историй, господин?

– Историй о принце, конечно же.

Ализе сразу расслабилась.

– А, – протянула она. – Не думаю, что я слышала хоть одну из них.

Дин как раз закреплял ее повязку и рассмеялся.

– При всем уважении, барышня, ты должна быть глухой, чтобы ничего не услышать. Вся империя обсуждает возвращение принца в Сетар.

– Он вернулся?

Глаза Ализе под снодой расширились. Она, только недавно прибывшая в город, до сих пор слышала только слухи о неуловимом наследнике империи. Те, кто жил в Сетаре, находились прямо в королевском сердце Ардунии; его давние обитатели видели принца еще в младенчестве и наблюдали за тем, как он рос. Ализе солгала бы, сказав, что ей не было любопытно узнать о королевской семье, но она была далеко не так одержима ими, как некоторые.

Именно тогда – во вспышке понимания – события дня и обрели смысл.

Торжеством, о котором говорила госпожа Сана, был предстоящий бал. Неудивительно, что госпоже Худе понадобилось целых пять новых платьев. И было совершенно естественно, что герцогиня Джамила захотела, чтобы все ее комнаты были убраны – она была дальней кухиной короля; ходили слухи, что ее связывают близкие отношения с принцем.

Возможно, она ожидала визита.

– Да, он вернулся домой, – подтвердил Дин. – Уже запланирован бал и не менее дюжины приемов. Не так уж и мало, а? Конечно, – аптекарь усмехнулся, – нас это не касается. Не думаю, что нам доведется побывать в бальной зале дворца.

Ализе ответила улыбкой на улыбку аптекаря. Она часто мечтала о таких моментах – возможности поговорить с людьми в городе, как будто она одна из них. Ализе никогда не ощущала себя свободной, даже в детстве.

– И я не думаю, – мягко ответила она, все еще улыбаясь и рассеянно поглаживая повязку на шее. Она уже чувствовала себя намного лучше, и поток облегчения и благодарности развязал ей язык. – Хотя я не уверена, что понимаю все эти восторги, если честно.

– О? – Улыбка Дина стала еще шире. – И почему же?

Ализе помедлила в нерешительности.

Ей всегда так много хотелось сказать, но ей запрещали – снова и снова – высказывать то, что у нее на уме, и сейчас она изо всех сил старалась побороть этот порыв.

– Полагаю... полагаю, я бы спросила, почему принца так пышно чествуют только за то, что он приехал домой. Почему мы никогда не спрашиваем, кто оплачивает эти празднества?

– Прошу прощения, барышня, – засмеялся Дин. – Я не уверен, что понимаю смысл твоих слов.

Ализе слегка успокоилась, услышав его смех, и ее собственная улыбка стала шире.

– Ну... Разве не из налогов, которые платят простые люди, финансируются все королевские приемы, на которые их даже не пускают?

Дин, сматывающий рулон льна, внезапно замолчал и посмотрел на Ализе с непроницаемым выражением лица.

– Принц даже не показывается на глаза, – продолжила она. – Что это за принц, который не общается с собственным народом? Его восхваляют – и любят, да, – но только благодаря его благородному происхождению, наследству, обстоятельствам, праву на трон.

Дин слегка нахмурился.

– Я полагаю, это так.

– Тогда за какие заслуги его чествуют? Почему он получает любовь и преданность людей, которые его даже не знают? Разве его неприязнь к простому народу – не признак высокомерия? Разве это высокомерие не оскорбляет?

– Я не знаю, барышня, – запнулся Дин. – Хотя осмелюсь заметить, что наш принц не высокомерный.

– Тогда претенциозный? Мизантроп?

Ализе не могла перестать говорить, раз уж начала. Ее должно было беспокоить то, что она так веселится; это должно было напомнить ей, что следует прикусить язык. Но она так давно ни с кем не разговаривала и скрывала собственный интеллект, что ей надоело держать язык за зубами. Ализе умела очень неплохо говорить, и ей страшно не хватало подобного обмена мнениями, упрямняющего ум.

– А разве мизантропия не свидетельствует о скупости духа, человеческого сердца? – говорила она. – Преданность и долг – общее чувство благоговения, возможно, – побуждают королевских подданных не замечать подобных недостатков, но это великодушные служат рекомендацией не принцу, а самому народу. Выглядит довольно трусливо, не правда ли, править всеми нами, оставаясь лишь мифической фигурой, но никак не человеком?

При этих словах остатки улыбки Дина испарились, глаза его стали холодными. С ужасным, тонушим чувством Ализе осознала всю глубину своей ошибки – но слишком поздно.

– Боже... – Дин прочистил горло. Казалось, он больше не мог смотреть на нее. – Никогда не слышал таких речей, тем более от того, кто носит сноду. – Он еще раз откашлялся. – Я имею в виду, ты говоришь очень складно.

Ализе сжалась.

Ей следовало быть осмотрительнее. Она уже достаточно раз убеждалась, что не стоит говорить так много и так откровенно. Она знала, и все же – Дин проявил к ней сострадание, которое она приняла за дружбу. Она поклялась себе, что больше никогда не совершит подобной ошибки, но сейчас... сейчас ничего уже нельзя было поделать. Она не могла взять свои слова обратно.

Страх сжал кулак вокруг ее сердца.

Донесет ли аптекарь на нее в магистрат? Обвинит ли в измене?

Дин, отошедший от прилавка, спокойно складывал ее покупки, однако Ализе чувствовала его подозрение, ощущала, как оно волнами исходит от него.

– Он порядочный молодой человек, наш принц, – отрывисто сказал аптекарь. – Более того: вдали от дома он на службе, барышня, защищает наши земли, а не шатается по улицам. Он не пьяница и не бабник, чего не скажешь о других. Кроме того, не нам решать, достоин ли он. Мы должны быть благодарны каждому, кто защищает нашу жизнь ценой своей собственной. И да, он держит себя в руках, я полагаю, но не думаю, что человека следует распинать за его молчание. Это редкая штука, не так ли? Одному Господу известно, сколько найдется тех, кому было бы полезно, – Дин поднял на нее глаза, – прикусить язык.

Ализэ пронзил жаркий удар в самое сердце; стыд был настолько сильным, что почти излечил ее от непроходящего холода. Девушка опустила взгляд, не в силах больше смотреть аптекарю в глаза.

– Конечно, – тихо ответила она. – Я говорила не к месту, господин.

Дин не удостоил это вниманием. Он подсчитывал общую стоимость ее покупок на бумаге карандашом.

– Только сегодня, – произнес он, – только сегодня наш принц спас жизнь юному нищему – унес мальчика на своих собственных руках...

– Вы должны простить меня, господин. Я ошиблась. Я не сомневаюсь в его героизме...

– С тебя шесть медяков и два тонса, пожалуйста.

Ализэ глубоко вздохнула и потянулась к кошельку, аккуратно вытряхивая из него требуемую сумму. Шесть медяков! Госпожа Худа заплатила ей за платье всего восемь.

Дин продолжал говорить.

– Какой-то фештский мальчишка – было довольно милосердно его пощадить, учитывая, сколько неприятностей нам доставляют южане; волосы рыжие, да такие яркие, что их видно с луны. Кто знает, зачем он это сделал, но он пытался покончить с собой прямо посреди улицы, а наш принц спас ему жизнь.

Ализэ так испугалась, что выронила на пол половину денег. Ее пульс учащенно колотился, пока она собирала монетки, а стук сердца, казалось, отдавался прямо в голове. Когда девушка наконец положила деньги на прилавок, она едва дышала.

– Мальчик-фешт пытался покончить с собой?

Дин согласно кивнул, пересчитывая монеты.

– Но почему? Что принц сделал ему?

Аптекарь резко поднял голову.

– Сделал ему?

– То есть, я имею в виду... Что он сделал, чтобы помочь мальчику?

– Да, все здесь, – подтвердил Дин, и выражение его лица расслабилось. – Ну, он поднял мальчика на руки, не так ли? И позвал на помощь. Прибежали добрые люди. Если бы не принц, мальчик наверняка бы погиб.

Ализэ внезапно почувствовала себя больной.

Она уставилась на стеклянную банку в углу лавки, где была заперта большая хризантема. Ее слух, казалось, то угасал, то пропадал совсем.

– ...не совсем понятно, но некоторые болтают, что он напал на какую-то служанку, – говорил Дин. – Приставил нож к ее шее и порезал ей горло, не так, как у...

– Где он теперь? – спросила Ализэ.

– Теперь? – встрепенулся Дин. – Я не знаю, барышня. Думаю, во дворце.

Она нахмурилась.

– Они забрали мальчика-фешта во дворец?

– О, нет, мальчик у прорицателей на Королевской площади. Без сомнения, он пробудет там еще какое-то время.

– Спасибо, господин, – быстро сказала Ализэ. – Я очень благодарна за вашу помощь. – Она взяла себя в руки, заставила разум вернуться в тело и попыталась успокоиться. – Боюсь, мне пора.

Дин молчал. Его взгляд остановился на горле Ализэ, на повязке, которую он только что наложил на ее шею.

– Барышня, – спросил он наконец, – почему ты не снимаешь снуд так поздно ночью?

Ализэ притворилась, что не поняла его. Выдавив из себя еще одно прощание, она бросилась к выходу, едва не забыв о своих свертках, а затем выбежала за дверь с такой поспешностью, что еле успела заметить перемену погоды.

Ализэ ахнула. Она попала прямо в зимнюю грозу; на улице яростно шел дождь – он хлестал ее по лицу, по непокрытой голове. Ализэ промокла насквозь в одно мгновение. Удерживая охапку покупок, она попыталась отлепить мокрую сноду от глаз, как вдруг столкнулась с незнакомцем. Она вскрикнула, сердце бешено забилося в груди, и только чудом Ализэ удалось не дать сверткам упасть на землю. Тогда она бросила возиться со снодой и помчалась в глубь ночи, двигаясь так быстро, как только позволяли ее ноги.

Она думала о дьяволе.

*Жил когда-то человек
И змей на плечах он носил.
Пока змеи досыта ели,
Времени ход ему не грозил.*

*А что они ели, не ведал никто,
Хотя и шумела молва:
Кости, мозги, черепа на земле
И детей находили тела.*

О видении, которое ей пригрезилось, о кошмаре, принесенном Иблисом в ночи...

Теперь знаки казались понятными: человек в капюшоне на площади; мальчик, который так и не появился у дверей ее кухни; дьявол, шепчущий загадки в ее сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.